

Фридрих Евсеевич Незнанский
Смертельные акции
Серия «Господин адвокат», книга 19

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137078
Смертельные акции: АСТ, Олимп; Москва; 2002
ISBN 5-17-009181-8, 5-7390-1090-X*

Аннотация

Вдова крупного бизнесмена начинает обычный процесс о наследовании акций своего недавно умершего от сердечного приступа мужа. Череда загадочных убийств и более чем подозрительных несчастных случаев, происходящих с совершенно разными, не имеющими ничего общего людьми, повергает в шок московскую милицию. Магнаты алкогольного бизнеса, связанные партнерством в колоссальной финансовой афере, втайне постоянно пытаются подставить и обмануть друг друга. Так начинается одно из самых странных дел «господина адвоката». Дело, которое сначала кажется рутинным, но постепенно начинает раскручиваться как мощная пружина — и раскручивается во все более и более неожиданную сторону...

Фридрих Евсеевич Незнанский Смертельные акции

Сначала я принял ее за русалку. Приглядевшись получше, я решил, что такое, пожалуй, может только присниться. И только как следует насладившись этим зрелищем, я понял, что таких идеальных форм в повседневной жизни не существует и, скорее всего, передо мной фотомодель. Ну сами посудите, мог ли я с самого начала прийти к правильному выводу после целого дня, проведенного на жарком пляже? К тому же если незнакомка появилась в лучах уже начавшего склоняться к закату южного солнца, в блеске волн. Длинные светлые волосы, умопомрачительная фигура, купальник из какой-то странной блестящей ткани, напоминающей серебристую рыбу чешую... Конечно, участки тела, покрытые этой «чешуей», были настолько незначительны, что ими можно было легко пренебречь, но общую атмосферу этот купальник создавал...

Девушка сверкала и переливалась в солнечных лучах, и, даже выйдя из моря, она так грациозно шла по не слишком чистому в конце дня песку черноморского пляжа, что казалось, для нее не представляет никакого труда переход из водной стихии в воздушную. В сущности, очевидно, так оно и было.

Из-под зонтиков донеслись изумленные вздохи. Мужчины, присутствующие на пляже, все как один, будто повинувшись неслышной команде, повернули головы в сторону вышедшей из воды «русалки». Если бы их взгляды обладали какой-то энергией, то в девушке неминуемо было бы проделано множество дырочек. Впрочем, недовольные спутницы большинства мужчин мигом пресекли это бесплатное представление. Хотя осталось немало зрителей, которым ничто и никто не мешало наслаждаться этим зрелищем.

Среди этих счастливых оказался и я, Юрий Гордеев, адвокат московской юридической консультации номер 10. Думаете, люди моей профессии только и делают, что сидят в пыльных кабинетах, перебирая разные малоинтересные бумажки и копаясь в бесчисленных юридических статьях и параграфах? Как бы не так! Не исключаю, конечно, что существуют и такие канцелярские крысы. Но я люблю отдохнуть от трудов праведных. Например, под южным солнцем. Погреться, позагорать. Правда, такая возможность представляется не всегда. Скажу прямо: очень редко такое случается. Но тут мне повезло. Впрочем, расскажу об этом немного погодя. Сейчас все мое внимание было сосредоточено (или сконцентрировано — как вам будет угодно) на изумительной незнакомке, вышедшей из морской пены. Думаю, Афродита, как известно тоже имеющая некоторое отношение к этой самой пене, обязательно позавидовала бы незнакомке. Причем самой черной завистью.

«Русалка», разумеется не обращая ни малейшего внимания на устремленные на нее взгляды не менее чем двухсот пар глаз, скрылась в кабинке для переодевания, тем самым давая возможность окружающей публике вдоволь пофантазировать. Впрочем, глядеть на металлические листы с облупившейся масляной краской, из которых была сооружена раздевалка, совсем неинтересно, поэтому многие через секунду забыли о необыкновенном зрелище... Только не я. Сегодня утром я прилетел в Ялту с твердым намерением, кроме всего прочего, отдохнуть как следует. Это «как следует» отнюдь не предполагает походы на пляж, в рестораны и так далее в гордом одиночестве. Поэтому, созерцая причудливые узоры из облупившейся краски, я прикидывал, как бы умудриться познакомиться с этой русалкой.

Очевидно, вы думаете, что я прилетел сюда только развлекаться? Как бы не так! Не бывает у меня чистого отдыха. И если бы два дня назад Генрих Розанов, заведующий нашей юридической консультацией не вызвал меня в свой кабинет, то я так и сидел бы в Москве.

— Тебе сколько лет, Юра? — спросил Генрих с места в карьер.

Я ответил.

— Ну что же, — задумчиво почесал заведующий свой седой затылок, — конечно, уже не мальчик.

— Спасибо.

— ...Но и не совсем древний.

Я опять поблагодарил.

— Ну в общем-то... — заключил Генрих Розанов, критически оглядывая меня с головы до ног, — можно сказать, молодой еще...

— У вас есть в отношении меня какие-то планы? — поинтересовался я. — Уж не женить ли меня собрались?

— Ах да, ты ж еще и холостой... Это хорошо, — думая о чем-то своем, отозвался Розанов, — очень даже хорошо.

— Тут я с вами согласен, — вставил я, — очень меня устраивает мой нынешний статус.

— Чего? — не понял Розанов.

— Весьма, — говорю, — доволен я тем, что не женат.

— А-а... Понимаю. У тебя есть неотложные дела?

Я чуть нахмурил лоб, изобразив интенсивную мыслительную деятельность. Собственно говоря, думать особенно было не о чем. Никаких важных дел у меня не намечалось. Так, по мелочам, что в общем-то весьма характерно для летнего периода. Лето — худшее время для адвоката. Клиенты разъезжаются в отпуска, отложив все судебные тяжбы на более грустные времена года — осень и зиму. Соответственно, защищать некого и не от кого. Поэтому те адвокаты, кто успел заработать до начала лета, тоже отправляются в отпуска. А те, кто не успел, те опоздали...

К большому сожалению, я чаще всего оказываюсь среди последних.

Итак, я, напустив на себя важный вид, подумал, а потом ответил:

— Да вроде неотложных дел у меня сейчас нет. А что? Хотите что-нибудь предложить?

Розанов пропустил мой вопрос мимо ушей, еще раз оценивающе оглядел с головы до ног и наконец кивнул:

— Хорошо! — Розанов вынул из папки какие-то буклеты и протянул их мне: — Пожалуйста, ты, Гордеев, самый подходящий кандидат.

Я с некоторой опаской взял бумажки.

— Кандидат? И куда, интересно, вы прочтите мою кандидатуру? — поинтересовался я, заглядывая в бумажки.

Розанов нетерпеливо замахал руками:

— Потом посмотришь. Короче говоря, так. В Ялте намечается симпозиум молодых адвокатов СНГ. Неплохо, верно? Летом, в Крыму...

— Да, — подтвердил я, — очень даже хорошо. Для тех, кто в нем будет участвовать.

Генрих Розанов улыбнулся и вытянул в мою сторону свой указательный палец:

— Вот ты, Гордеев, и поедешь. Ты у нас самый молодой. Кому же еще ехать, как не тебе?

Неожиданное предложение, ничего не скажешь... Особенно учитывая количество людей, которые тоже были бы не прочь отправиться в Ялту в разгар лета.

— Интересно, за какие такие заслуги ваш покорный слуга удостоился такого подарка?

— Ни за какие... — чуть помрачнел Розанов. — Это место освободилось совершенно случайно.

Он замолк, а я не стал продолжать расспросы. Розанов был знаком буквально со всеми московскими адвокатами, а со многими из них состоял в родстве. Какие-то там племянники, зятья, невестки, о которых я слышал краем уха. Очевидно, у кого-то не заладилось с этой волшебной поездкой... Ну что ж, бывает. Главное, что благодаря этому я наконец-то получу воз-

можность полноценно отдохнуть! Подумать только, несколько дней в Ялте, летом! У моря, под лучами южного солнца.

— Имей в виду, Гордеев, — разумеется, Генрих Розанов не преминул разбавить это радостное известие водой, — на тебя возлагается обязанность участвовать в работе симпозиума.

— И в чем должно заключаться это участие?

— Ты должен будешь сделать доклад.

— Хм... А тема уже известна?

— Там, — Розанов сделал жест в сторону бумаг, которые я держал в руках, — там все сказано. Не думаю, что для тебя это будет сложно. К тому же...

— К тому же, — весело отозвался я, — вряд ли участники этого симпозиума будут слишком уж внимательно слушать доклады в конференц-залах.

Розанов кивнул:

— Да... И к тому же там есть готовые материалы для доклада. Но ты все же не расслабляйся. Билеты и командировочные получишь в бухгалтерии. Счастливого пути.

Честно говоря, я не могу сказать, что обожаю морские курорты. Организованный отдых вообще навевает на меня грусть. Гостиницы, полные народа, пляжи, на которых негде яблоку упасть, не очень чистый песок, море, на поверхности которого плавает разный мусор... Куда лучше поехать в какое-нибудь дикое местечко, где не ступала нога человека, разбить палатку, развести костер... Эх, мечты, мечты... Уж не помню, когда мне удалось последний раз вот так выбраться из Москвы.

Но выбирать не приходится. Как говорится, дают — бери, бьют — беги. Предложение Генриха Афанасьевича было очень приятным, тем более что, хоть в прошлом году мне и довелось выбраться к морю, большого удовольствия мне это не принесло.

Вот так я совершенно неожиданно для самого себя оказался в Ялте в самый разгар курортного сезона. Наша контора оплатила проезд и командировочные, устроители симпозиума — проживание в гостинице... Короче говоря, судьба расщедрилась на замечательный подарок.

Приехав в Ялту, уладив все формальности с проживанием, получив необходимые аккредитации, я натянул плавки и отправился на пляж, где подставил свое мускулистое, хоть и несколько бледноватое, тело жарким солнечным лучам.

Как известно, в загаре главное — это система. Если ты хочешь провести дни у моря нормально, с удовольствием, не сидя в душном гостиничном номере, обмазанный кефиром с ног до головы, нужно соблюдать определенный режим. Десять минут на животе, десять минут на спине. Столько же с боков. В этом случае тело приобретает ровный коричневый оттенок и на тебя до самой зимы будут с завистью смотреть сослуживцы и сослуживицы, те, кому не так повезло с отдыхом у моря... Однако, изголодавшись по солнечным лучам, я, конечно, немного переборщил, и, хоть пока что на пляже это не совсем ощущалось, я предвидел, что под конец дня спину будет немного жечь. Ну и пусть.

Кроме того, завидев «русалку», выходящую из моря, я вообще забыл обо всем и в первую очередь — о температурном режиме. Что поделаешь — все мы падки на красоту, особенно когда она облечена в такие замечательные формы.

Итак, я продолжал созерцать обшарпанный бок кабинки для переодевания, по ходу дела соображая, как бы мне с ней познакомиться.

Это только кажется, что знакомство с девушкой очень простая наука. На самом деле, нет грустнее зрелища, когда представитель сильного пола подваливает к такой вот волшебнице, уныло мыча что-нибудь банальное вроде «Девушка, можно с вами познакомиться?» или недостижимое по идиотизму «Вы не знаете, который час?» (особенно если на его собственном запястье красуется массивный хронометр). Как печально наблюдать за угасанием

огоньков в женских глазах, которые иллюстрируют ее внутренний вздох — что-то типа: «Ну вот, еще один, уже семьдесят пятый за сегодня, интересуется временем... Нет, пожалуй, все-таки семьдесят шестой». Ну ясно, многие клюют и на такое. Многие уже, видно, перестали ждать каких-либо других вопросов, — ну нельзя же перестать знакомиться только на том основании, что у встречных мужчин напрочь отсутствует фантазия? И девушка обреченно отвечает, что, дескать, да, можно познакомиться, а времени сейчас полшестого...

Грустно, господа. Потому что если бы кто-то увидел хоть раз, как загораются огоньки в женских глазах (ну конечно, если она не законченная дура), когда вы знакомитесь с ней действительно оригинально, с выдумкой, то он бы напрочь стер из своей памяти банальные просьбы разрешить познакомиться и требования проинформировать о времени... Я, конечно, не призываю исполнять тройное сальто-мортале перед каждой девушкой, с которой хотите познакомиться (разве что вы еще учитесь в средней школе), иногда все это бывает очень просто, и вместе с тем... Ну, короче говоря, вы сейчас сами все увидите. Я собираюсь показать класс!

Между тем мой правый бок, кверху которым я лежал, созерцая все происходящее вокруг, начал потихоньку поджариваться. Южное солнце горячо даже во второй половине дня. Я перевернулся на живот, а потом и вовсе сел на своей подстилке. Не люблю, знаете ли, эти пляжные топчаны...

Девушки не было, хотя времени прошло достаточно, чтобы переодеться. Странно. Что, скажите на милость, можно столько времени делать в раздевалке? Я потер глаза, потом еще раз внимательно осмотрел кабинку... Как вы думаете, что я углядел в проеме между стенкой кабинки и песком? Две мощные ступни как минимум сорок третьего размера с явно выраженными мозолями и подагрическими шишками! Эти лапы точно не могли принадлежать моей красавице (уж простите, двадцатиминутное наблюдение за кабинкой, кажется, дает мне право ее так называть), просто по определению не могли. Через минуту мои опасения подтвердились: из кабинки появился низенький мужичок с объемистым животиком, веселый, жизнерадостный, облаченный в веселенькие плавки и аккуратно держащий одежду под мышкой. Выйдя из кабинки, он заторопился к сидящей на топчане матроне, вокруг которой вились несколько разновозрастных детишек.

«Русалка» превратилась в отца семейства, прибывшего на отдых. Это что же, сказка продолжается? Ну уж нет! Я, Юрий Гордеев, реалист по природе. Не верю во всякие там метаморфозы, превращения, телепатию, телекинез и телепортацию. Даже гороскопы наводят на меня сон... Что же произошло?

А вот что. Пока я, как последний лопух, поджаривался на солнце, моя «русалка» просто-напросто вышла с другой стороны. Эта кабинка была особой формы, представляющей собой два причудливо изогнутых листа раскрашенного металла на ножках. Если посмотреть сверху (хотя кому в голову придет такая идея?), эта кабинка напомнит две вписанные друг в дружку запятые, или, если угодно, буддийский символ «инь-ян». Следовательно, войдя с одной стороны, можно беспрепятственно выйти с другой. Что красotka и сделала. А пока я лежал на боку, проем снизу, по которому, собственно, и узнают, занята кабинка или нет, находился вне моего поля зрения.

Обидно! Такой облом в первый же день. Конечно, если приглядеться, пляж был полон красоток, гостиница с ее ресторанами и барами наверняка тоже, кроме того, среди адвокатов, а значит — и участников симпозиума, на который я прибыл, тоже попадаются симпатичные особы женского пола... Но во мне уже разыгрался этакий охотничий азарт. Лань, газель, куропатка лихо смылась, а я так и не успел сделать ни одного выстрела! Ну куда это годится?

Я поднялся со своей подстилки и посмотрел вокруг. Пляж был заполнен народом — разглядеть среди разноцветных пятен очертания незнакомки было совершенно невозможно. Ну что тут поделаешь? В расстроенных чувствах я собрал свои манатки и пошел в гостиницу.

В конце концов, нужно все-таки отдохнуть — завтра мне предстояло провести несколько часов на заседаниях симпозиума. Неприятно, но что делать? Не надо забывать, что я сюда не только развлекаться прибыл.

Шагая по нагретому песку, я размышлял о том, что еще нужно написать доклад, о котором просил Розанов и который был назначен на третий день симпозиума. Уверен, что к тому времени все «молодые адвокаты» разбредутся по пляжам и барам и слушать меня останутся от силы человек пять. Ну посудите сами, кому интересно сидеть в душном зале и вникать моим умозаключениям по поводу «Совершенствования контактов адвокатуры с подзащитными на первоначальных этапах следствия» — именно так звучала тема моего доклада. Замечу, что эту тему выбрал не я...

Короче говоря, скукота. Но жаловаться я не собирался, отнюдь! Ведь находился на юге, у моря — одно это вселяло радость и оптимизм.

По пути мне попался небольшой бар, устроенный прямо на песке. Маленький павильончик из плетеной лозы приткнулся на краю пляжа — сразу за ним начинался асфальт. В горле у меня пересохло, и я решил зайти.

Правильно я сделал или нет — судить не мне. Потому что если бы я не зашел, то обязательно дошел бы до гостиницы, а значит, не произошло бы множества событий, начало которым положил этот мой с виду совершенно безобидный шаг — я зашел в бар, чтобы выпить чего-нибудь холодного.

Я подошел к стойке и тут увидел ее. Да-да, ту самую «русалку», которая вышла из воды и бесследно пропала из раздевалки. Теперь она была одета в легкое светлое платье, подчеркивающее ее удивительную фигуру. Она сидела на высоком табурете, у ног лежала пляжная сумка. На плече у красавицы висела еще одна сумка — прямоугольная, довольно объемистая. Больше всего она походила на футляр для какого-нибудь прибора...

Увидев неожиданно исчезнувшую, а затем точно так же появившуюся девушку, я, разумеется, снова почувствовал охотничий инстинкт. Глупо было бы отказываться от подарка судьбы, который, правда, чуть не был той же самой судьбою отнят.

Девушка сидела одна, что само по себе нехарактерно для курорта. Вокруг нее не вились ни горячие южные парни, ни такие же горячие северные... Даже разомлевший от жары бармен не обращал особого внимания на клиентку. Дело, очевидно, заключалось в том, что она зашла в бар буквально минуты за три до меня. Перед ней стоял стакан с чем-то оранжевым, в котором еще не успели подтаять кубики льда. Я тут же почувствовал нестерпимую жажду.

Помнится, я обещал показать класс, как надо знакомиться с девушками. Конечно, я несколько разомлел на солнце, но обычно чувство импровизации мне не изменяет. Впрочем, как всякому настоящему мачо, к числу коих я себя и причисляю.

Я двинулся к стойке бара, совершенно не задумываясь о том, с каким именно вопросом к ней обращусь. Просто уселся на соседний табурет, улыбнулся и произнес как бы между прочим:

— Как дела?

Красотка оторвалась от созерцания собственного стакана и повернула ко мне голову. В ее взгляде не было ни малейшего интереса к моей личности и вообще ко всему, что происходит вокруг. Хотя отторжения я не почувствовал. Уже хорошо. В ответ на мой вопросительный взгляд, выражающий неподдельное желание действительно выяснить, как у нее дела, она равнодушно ответила:

— А что?

— Вот провожу социологический опрос. Выясняю, как дела у самых красивых девушек на пляже.

Она смерила меня взглядом огромных выразительных глаз и не удостоила ответом. Отхлебнула из запотевшего стакана и вынула кошелек. Судя по всему, у нее немалый опыт

по части отшивания всяческих приставал. Самый лучший способ в самом начале пресечь все попытки познакомиться — это холодность и равнодушие. Взгляд девушки был так же холоден, как лед в ее бокале.

Оставив на стойке купюру, она слезла с табурета и легкой, грациозной походкой направилась к выходу из бара, не забыв прихватить пляжную сумку. Ремень прямоугольного футляра чуть оттягивал ее плечо. Это свидетельствовало о том, что в футляре находится нечто довольно тяжелое.

Конечно, я не остался в баре. Если уж мне в голову что-то втемяшилось, то я обязательно доведу это до конца — надеюсь, это все уже усвоили? К тому же девчонка действительно была классная, и не записать в свой актив ее я уже не мог. Из чувства самоуважения не мог. Это равнодушие, которое она проявила к моей персоне, еще больше подстегнуло желание познакомиться с ней поближе. Я немного посидел на табурете, впрочем краем глаза следя за ее силуэтом в открытой двери бара, а потом встал и направился за ней.

Девушка ненадолго зашла в индивидуальную раздевалку (где, очевидно, и хранились ее пожитки) и вышла уже в другом купальнике — закрытом и с виду плотном. На шее висел довольно большой оранжевый предмет, при внимательном изучении оказавшийся влагонепроницаемым боксом для фотоаппарата. Видно, красотка решила заняться подводной фотосъемкой. Под мышкой у нее находился надутый оранжевый матрас. Она направилась к морю и через некоторое время уже покачивалась на волнах в некотором отдалении от берега.

Ну что же, еще раз искупаться и я не прочь. Тем более ради такой благородной цели. Быстро стянув с себя шорты и бросив их на подстилку (закрытый пляж принадлежал отелю, в котором я поселился, поэтому я не слишком боялся за сохранность своих вещей), быстро вошел в воду. На секунду мной овладело блаженство, которое, впрочем, испытывает каждый, войдя в теплую воду. Хорошо! Лечь бы на спину и плыть, поддерживаемый ласковыми волнами. Покачиваться вверх и вниз, благо волнение не слишком сильное. Но нет! Нужно плыть. Ориентир — оранжевый матрас.

Я оттолкнулся от дна и поплыл, мощными движениями загребая воду. Пожалуй, даже профессиональный пловец позавидует. Неудивительно — довольно частое посещение бассейна в «Олимпийском» дало о себе знать.

Через минуту я настиг покачивающийся на волнах матрас и ухватился за его мокрый бок. Девушка лежала на спине и читала книжку в яркой обложке. Увидев рядом с собой какое-то движение, повернула голову. Разумеется, она сразу узнала меня и посмотрела таким взглядом, что мне сделалось немного не по себе.

— Снова вы... — равнодушным голосом произнесла она и вернулась к своей книжке.

— Надеюсь, я вам не помешаю?

— Если не будете хвататься за матрас, то нет, — ответила она, не отрываясь от чтения, — ну и конечно, если помолчите.

— Вы дали обет молчания? — поинтересовался я, наслаждаясь сразу несколькими вещами — морем, воздухом и близостью прекрасной незнакомки.

Мой вопрос она проигнорировала, лишь вздохнув.

— Что читаете?

— Книгу, — отрезала она.

— Какую? — не отставал я.

— Хорошую, — заявила красавица, поглядев на часы. Было около пяти, солнце уже грело не так сильно, но вода температурой напоминала кипяченое молоко.

Некоторое время я молча бултыхался рядом с матрасом, перебирая в уме всевозможные варианты продолжения разговора. Красотка оказалась не такой податливой, как я ожидал. Тут нужен особый подход. А с этими особыми подходами вечно проблема. В самый нужный

момент они куда-то улечиваются. Ну спишем это на усталость после перелета из Москвы и пьянящее воздействие морского воздуха.

Она снова глянула на часы и повернула ко мне голову:

— Вы еще долго будете здесь торчать?

— Это зависит от вас.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Если отплывете в другое место, то и я с этого сразу уберусь.

Несколько секунд она обдумывала смысл моей фразы (коего в ней было немного) и наконец догадалась:

— Вы решили меня преследовать?

— Нет! Как вы могли такое подумать?

— Тогда что? — На лице ее появилось недоумение.

— Я решил вас сопровождать. Согласитесь, это большая разница.

Девушка фыркнула и спрятала книжку в непромокаемое отделение своего фотографического бокса. Кстати, вот о чем нужно было спрашивать! Как это я сразу не сообразил!

— Оставьте в покое мой матрас. И вообще, я не нуждаюсь ни в чьем сопровождении...

— А этот участок моря — ваша собственность?

— Да, — дерзко глядя мне в глаза, ответила она.

Я засмеялся.

— В чем дело? Что вас так насмешило?

— Ничего. Просто если именно вы владеете этим морем, то мне несказанно повезло.

— Почему?

Тут что-то вдалеке привлекло внимание девушки. Она нахмурилась, кинула взгляд на свой бокс и наклонилась ко мне:

— Хорошо. Я с вами встречусь, липучка. Вечером, в ресторане гостиницы. А теперь убирайтесь отсюда.

— Во сколько? — уточнил я.

— В восемь. Уходите. — Она волновалась — это было заметно по тому, как она хмурит лоб. Черт возьми, даже это она делала просто очаровательно.

— Скажите хотя бы, как вас зовут, прекрасная незнакомка.

— Марина, — чуть не выкрикнула она, — уходите, прошу вас.

— Почему? — недоуменно сказал я, — меня, например, зовут Юра. Давайте побеседуем, познакомимся побли...

Знаете, что она сделала в следующий момент? Неожиданно схватила меня за волосы и окунула в воду. Глотнув морской воды, отплеываясь, я только через пару минут очухался. Матрас был уже метрах в двадцати от меня. А между мной и красоткой проплывала довольно большая парусная яхта, которую я не заметил за разговорами. Теперь надо было отплыть подальше от нее, чтобы не удариться о борт. Когда яхта проплыла мимо, матрас куда-то подевался. Некоторое время я вглядывался в водную гладь, но моя «русалка» исчезла. Вот это номер! Даже если она утонула, матрас должен был остаться на поверхности. Ломая голову над этой загадкой, я вылез на берег, натянул шорты и отправился в гостиницу, чтобы хоть немного отдохнуть. Все-таки у меня оставалась призрачная надежда, что назначенное на восемь вечера randevu состоится.

Но, разумеется, это были напрасные надежды. Никого я в ресторане не обнаружил. Вернувшись в свой номер, я завалился спать, чтобы с утра принять участие в симпозиуме, о котором, честно говоря, у меня до сих пор было очень смутное и неопределенное представление.

...Все получилось, как я и предвидел. С утра все «молодые адвокаты» собрались в большом конференц-зале, одетые совершенно не по сезону в строгие двойки. Конечно, в зале

работали мощные кондиционеры, но это не спасало. Всем хотелось по полной программе использовать шанс в самый разгар курортного сезона оказаться здесь, да еще совершенно бесплатно. Поэтому и выступающие и слушатели были рассеянными. Говорили о каких-то сложных юридических проблемах, в которых я не слишком-то разбираюсь. Теория — это, знаете ли, не для меня. Я больше практик. Поэтому доклад, который я должен был прочитать, немного беспокоил меня, несмотря на то что Розанов выдал мне все необходимые материалы.

Через час объявили перерыв и все вышли в просторный вестибюль. В углу имелся небольшой магазинчик крымских вин. Если уж я тут оказался, глупо не попробовать все блага, которые предоставляет этот благословенный край. Тем более знающие люди советовали покупать вина именно в магазинах при хороших гостиницах — так легче избежать подделок. Я направился в магазинчик. У стойки с коллекционными винами находилось несколько человек. Один силуэт показался мне знакомым. Я подошел поближе. Знаете, кого я увидел?

Давешнюю «русалку»!

Вот это встреча! Правда, теперь она выглядела очень строго — в темной юбке и дорогой блузке, волосы были собраны на затылке, нос украшали очки в изящной оправе. Однако я узнал ее сразу. И, разумеется, немедленно подошел.

Девушка, судя по всему, совершенно не разбиралась в винах. Она сосредоточенно изучала этикетки, ставила бутылки обратно, затем как-то растерянно осматривала другие...

— На вашем месте, я бы выбрал вот это... — подал я голос.

Она повернула голову и, увидев меня, улыбнулась. Честно говоря, я ожидал такого же отторжения, как и вчера...

— Да-да, именно это, — продолжал я, вынимая бутылку из деревянного гнезда. — «Черный доктор» урожая 1991 года. Я слышал, это был очень удачный урожай.

Разумеется, я не имел ни малейшего представления, каким был на самом деле урожай этого знаменательного года, но какая разница, когда тебе нужно произвести впечатление?

— Правда? — опять улыбнулась она.

Я кивнул с видом опытного дегустатора вин:

— Да. В том году наблюдалась сильная солнечная активность. Это придало урожаю винограда необычайно тонкий вкус. Что, разумеется, благотворно повлияло на букет вина... Кстати, здравствуйте.

— Добрый день, — сказала она, — мы с вами, кажется, вчера расстались не очень...

— Да, — подтвердил я, переводя взгляд с запыленной бутылки на нее, — и я не привык, чтобы меня неожиданно окунали головой в море. Даже такие симпатичные девушки, как ты!

Вчера я был не в лучшей форме. А сегодня должен взять реванш.

Она снова улыбнулась:

— Надеюсь, вы не будете мне мстить за вчерашнее?

— Как это — не буду? Разумеется, буду.

— И как вы собираетесь это делать?

— Очень просто. Я умыкну тебя из этого скучного места.

— Если честно, — доверительно наклонившись ко мне, сообщила она, — я сама об этом мечтаю.

— Но это лишь первая часть мщения... — загадочно подмигнул я.

— А-а, — протянула она, — а что же будет потом?

— А это ты сама увидишь, Марина. Кстати, ко мне тоже можно обращаться запросто, на «ты».

— Хорошо... Значит, вы... ты предлагаешь вот это вино?

— Именно это. Я тебя угощу этим вином. Это и будет второй частью моего мщения.

Тон у меня был уверенный и, главное, не оставляющий ни малейшего сомнения в том, что я совершу то, что вознамерился. Я взял бутылку и вынул из кармана бумажник. Сколько стоила бутылка этого вина, уточнять не стану. Просто потому что мне все равно не поверят. А если и поверят, то решат, что ваш покорный слуга сошел с ума. Но прошу поверить мне на слово — в данной ситуации игра стоила свеч.

— Ну что же, — сказала она, — я согласна. Но оставляю за собой право выбрать место, где мы будем его пить. Договорились?

— Договорились, — легкомысленно согласился я. Если б мне знать, какие события последуют за этим...

— Мы пойдем в парк.

Я кивнул.

— Только мне нужно переодеться. Я же не могу гулять по городу в таком виде.

— Мне тоже нужно сделать то же самое, — отозвался я.

Да, в строгом деловом костюме можно было находиться исключительно в кондиционированном помещении гостиницы.

— Тогда встречаемся тут через двадцать минут?

— Надеюсь, мне не придется бессмысленно ждать, как вчера, в ресторане?

Марина хихикнула:

— Честное слово, я не могла...

— Хорошо. Кто старое помянет, тому глаз вон... Через двадцать минут встречаемся тут, в холле...

На этот раз она не обманула. Переодевшись в легкое летнее платье, она уже ждала, когда я спустился в холл. Я взял с собой сумку-термос, чтобы вино не нагрелось, и два бокала. Марина же несла довольно объемистый прямоугольный кофр.

— А это что? — спросил я, указывая на кофр.

— Фотокамера. И принадлежности.

— А-а, я помню. Ты вчера тоже была с фотоаппаратом.

— Да... Я на досуге занимаюсь фотографией.

— Неужели у моего коллеги адвоката бывает досуг?

— Сколько угодно, — рассмеялась она.

Мы вышли из гостиницы и направились к морю.

— Мало клиентов?

— Я специализируюсь на защите авторского права. Ну и сам понимаешь, у нас в стране это понятие не очень развито. Вот и приходится подрабатывать.

— Значит, для тебя работа адвокатом нечто вроде хобби? Или же хобби все-таки фотография?

— Трудно сказать. Я вообще любую деятельность воспринимаю как хобби...

Вот так, болтая о разной ерунде, мы добрались до парка у моря, где расположились в тени на одной из свободных скамеек. Марина тут же вынула свой фотоаппарат, стала снимать морской пейзаж, расстилающийся внизу. Потом мы пили вино (оно действительно оказалось просто замечательным), потом зашли в какое-то кафе... День близился к концу, и я решил, что пора активизировать свои действия, тем более, кажется, Марина была совсем не прочь.

— Давай погуляем вон по той аллее? — сказала она, указывая в дальний угол парка.

Я, честно говоря, без особого энтузиазма отправился за ней. Тем более, как мне показалось, Марина была чем-то озабочена, хоть и пыталась это скрыть. Мы гуляли по аллее, с которой открывался вид на весь парк. Марина время от времени щелкала фотоаппаратом...

Аллея заканчивалась широкой тропой, которая поднималась по склону небольшого холма.

— А все-таки куда ты вчера скрылась, когда появилась яхта? — спросил я. Ответа не последовало. Я обернулся. Девушка исчезла...

Вот те раз! Интересно, куда она могла подеваться? Еще минуту назад она была здесь.

Я огляделся... Марина как сквозь землю провалилась. Зато по аллее в мою сторону двигались два здоровых мужика, лица которых выражали твердую решимость. Кроме того, они как-то странно глядели на меня. Интересно...

Они подошли ко мне и встали так, чтобы отрезать оба пути — вверх по аллее и вниз.

— Где она? — спросил один, явно главный.

— Кто? — недоуменно поинтересовался я.

— Не надо шлангом прикидываться. Это тебе мой совет. Где чувиха, я спрашиваю?

Что я мог ответить, если сам не знал, куда подевалась Марина. Однако я и не собирался отвечать на странные вопросы незнакомых, да еще и агрессивных мужиков.

— А вам какое дело? — ответил я довольно вызывающе.

— Значит, есть дело. Значит, она убежала и аппаратуру свою прихватила? Да? — допытывался он.

Честно говоря, самым правильным было согласиться. Марина действительно, судя по всему, убежала, прихватив свой кофр.

— ...А тебя, значит, разбираться оставила. Что ж, тем лучше. Мы у тебя все и выясним, что да как.

— Мы с вами на брудершафт вроде не пили, — заметил я, — так что прошу на «вы».

Мужики переглянулись. Судя по всему, их разозлил не мой тон, а непонятное слово «брудершафт», которое я употребил. Старший криво улыбнулся и поднял руку. Ну остроты реакции мне не занимать, я сразу отошел чуть назад и сгруппировался...

— Витя, смотри, вот сумка какая-то, — подал голос второй, — может, это и есть ее аппараты?

Странно, что я с самого начала не заметил Маринин кофр, который лежал в траве. Я потянулся к нему, но второй мужик меня опередил.

— Да, — сказал он, открывая кофр, — вот аппарат.

— Тебе повезло, — произнес Витя, — мы тебя не тронем. А сумку возьмем.

— Ну нет, — твердо сказал я, — так не пойдет. Сумку я вам не отдам. Что вам надо?

Они как-то странно улыбнулись.

— Либо ты лопух, либо действительно не в курсе, — процедил сквозь зубы Витя, — чеши-ка отсюда подобру-поздорову...

В их поведении была какая-то странная уверенность. Я же почти ничего не понимал. Но, с другой стороны, отступить просто так не мог. Я шагнул ко второму мужику и схватил ремень сумки. В тот же миг в миллиметре от моего носа просвистел кулак. Я еле успел увернуться и снизу ударил в челюсть второго. Тот от неожиданности разжал руку. Кофр оказался у меня. Но в ту же секунду я ощутил страшный удар по шее. Очевидно, тот, кого звали Витя, бил ребром ладони. И бил, надо сказать, мастерски. Я согнулся в три погибели и получил пару сильнейших ударов в живот.

— Слушай, — сказал Витя, — этак мы тебя и убить можем. Может, не надо?

Я распрямылся прямо как пружина и неожиданно нанес ему серию ударов в нос, челюсть и солнечное сплетение. Витя упал в траву, но тут же подоспела подмога в лице второго мужика. Он несколько раз ударил мне по ребрам, подставил подножку, и в конце концов я оказался на траве, прижатый сильными руками Вити, который к тому времени уже очухался.

— Ну все. Лежи. Отдыхай. Кости размял — и хватит. А мы пошли. И не вздумай бежать за нами... Хотя, думаю, быстро ты уже не побежишь.

Они хихикнули и двинулись прочь, унося с собой кофр Марины. Я попытался встать. Это получилось не слишком хорошо. Ребра ломило, почки ныли... И, что самое главное, я ничегошеньки не понимал. Только было какое-то смутное чувство, что правда в данном случае не на моей стороне...

Да, нечего сказать, хорошее начало летнего отдыха.

Когда я доковылял до гостиницы, почти совсем стемнело. После того как хулиганы (я совсем не был уверен, что это были именно хулиганы) удалились, я еще немного подождал Марину. Но безрезультатно. Девушка как сквозь землю провалилась.

Первым делом я ощупал тело. Вроде все цело. Конечно, на ребрах имелось несколько синяков, но в общем состояние можно признать удовлетворительным. Главное — никаких видимых повреждений. Судя по всему, мужички оказались профессионалами в этой области.

Совсем иначе можно было оценить мое моральное состояние. Сами посудите: девушка исчезла, кофр отняли, да еще и побили. И что самое главное, я совершенно не понимал, что к чему. Конечно, между исчезновением Марины и появлением хулиганов была какая-то связь. Да и повышенный интерес, который они испытывали к фотографической аппаратуре Марины, о чем-то говорил... Только вот о чем конкретно? Этого я не знал и не мог знать.

И, что самое главное, не хотел. В конце концов, я прибыл сюда, чтобы отдохнуть. И попадать в историю совершенно не входило в мои планы. Историй у меня и так хватает... Ну неужели я не могу просто расслабиться, забыть о преступлениях, наказаниях, судах и так далее?

Я принял душ, выкурил пару сигарет, стоя на балконе и глядя на море. Было уже довольно поздно, я решил, что на сегодня развлечений достаточно, и лег спать.

Едва моя голова коснулась подушки и я уже начал было проваливаться в мир сновидений, именно в этот момент раздался стук в дверь. Стучали не слишком настойчиво и громко, скорее осторожно.

Я, не зажигая свет, босиком протопал к двери, щелкнул ключом. На пороге стояла Марина. Не дожидаясь приглашения, она шагнула внутрь и закрыла за собой дверь.

— Привет, — пробормотал я, со сна не совсем ясно воспринимая происходящее.

— Тсс... — послышалось совсем рядом, буквально в нескольких сантиметрах от моего уха. Затем я почувствовал горячее дыхание и губы, чуть прикоснувшиеся к щеке. — Ничего не говори, — прошептала она.

Я нащупал ее руку и повел в комнату. Здесь, в скурых лучах уличных фонарей, отблески которых проникали в большое, почти во всю стену, окно, моя новая знакомая выглядела еще более обольстительно, чем днем. Она быстрым движением расстегнула свое легкое платье, которое соскользнуло на ковер.

Вы думаете, я стал у нее допытываться о непонятном конфликте на аллее приморского парка? Как бы не так. Ваш покорный слуга моментально забыл и о хулиганах, и о собственных телесных повреждениях.

В городе Сочи — темные ночи... В сущности, любой южный город может похвастаться абсолютно темными ночами, и тому факту, что в известной поговорке повезло именно городу Сочи, мы обязаны исключительно удачной рифме. Могу засвидетельствовать — в Ялте ночи ничуть не менее темные, чем в Сочи. А может быть, даже более.

Однако любая ночь, даже самая темная и бурная, имеет печальное свойство рано или поздно кончаться. Подсознательно, даже во время сна, я наблюдал этот процесс. Вначале было совсем темно. Затем сквозь тьму стал пробиваться красный свет. Темно-красный, потом посветлее, он превращался в ярко-алый, иногда розовел, потом даже стал отдавать желтизной. Глаза понемногу начало резать. Я чувствовал жару, которая постепенно становилась все более невыносимой.

Наконец я понял, что больше не вынесу, и открыл глаза.

Темная прохладная ночь давно закончилась, не оставив после себя и следа. Наступил яркий и жаркий южный день. Я лежал поперек кровати на матрасе (простыня жалким комком ютилась где-то в углу кровати), и солнце шпарило прямо мне в глаза. Я недовольно поморщился и с усилием откатился в тень.

В почках чуть заныло, и я сразу вспомнил вчерашние события. Я, как вы, наверное, сами понимаете, не успел расспросить Марину. Кажется, теперь самое время...

Я огляделся. Потом прислушался. Никаких признаков моей «русалки» я не обнаружил. В комнате ее не было. Из ванной не доносилось никаких звуков. На спинке стула не висела одежда, а на полу не было женской обуви. Я приподнялся на локте, но это не принесло никакой новой информации. Зато ребра уже, кажется, не болели. На мне все заживает быстрее, чем на ящерице.

Вскочив с кровати, я отправился в ванную. И здесь не обнаружилось ни малейших признаков Марины — ни забытой губной помады, ни расчески с облачком светлых волос. Осмотр туалета также не принес ничего нового. Вывод напрашивался сам собой: она снова бесследно исчезла. Кажется, я уже начал привыкать к этому...

Я принял душ, привел себя в порядок и вспомнил, что именно сегодня должен делать доклад на симпозиуме. Ничего не попишешь — за все в этой жизни приходится платить. Хотя этот доклад, кажется, был совсем небольшой платой за несколько дней замечательного отдыха в разгар летнего сезона.

Отдыха? Ну можно и так сказать. Но пока что меня окружали сплошные загадки. Постоянно пропадающая Марина, странный случай вчера... Я чувствовал, что принимаю участие в какой-то игре, правил которой мне не объяснили. Не успели или не захотели...

Взглянув на часы, я убедился, что мой доклад начинается ровно через двадцать минут. И к этому времени я должен чистым, бодрым и элегантно одетым оказаться в конференц-зале. Следовало поторопиться...

Когда я выходил из номера, взгляд мой упал на край сумки, выглядывающий из стенового шкафа. Сумка явно мне не принадлежала. Я отодвинул дверцу, открыл «молнию» сумки... там лежал фотоаппарат. Значит, скорее всего, сумка принадлежит Марине. Зачем она ее здесь оставила, думать было некогда. Я закрыл шкаф и вышел из номера.

Как ни странно, доклад прошел успешно. Мне даже аплодировали. И хотя народу в зале было мало, я остался доволен своим выступлением.

Конечно, речи других ораторов я слушать не стал, а пошел в свой номер. Здесь меня ждал сюрприз.

— Нет, нет, нет... Милочка, вы по-русски понимаете? — непрерывно затягиваясь длинной темно-коричневой сигаретой, говорила видная бизнес-вумен лет сорока с пышной копной волос цвета ржавчины. Женщина сидела за обширным офисным столом, заваленным большими черно-белыми и цветными фотоотпечатками.

— Ну может быть... — мямлила молоденькая симпатичная девица в такой короткой юбке, что ее бесконечные ноги, казалось, росли прямо из шеи, — все-таки...

— Никаких «может быть», — лениво отвечала женщина за столом, сортируя отпечатки на несколько стопок по одной ей известному принципу. — Никаких «все-таки». Вам ясно было сказано: вы не соответствуете. Было сказано?

Девушка разглядывала свои длинные ногти, покрытые свежим слоем бледно-розового лака.

— Было сказано? — чуть громче повторила женщина за столом.

— Да... — еле слышно отозвалась девушка. — Было...

— Ну вот! — пожала плечами бизнес-вумен. — Какие могут быть еще разговоры?

— А может, я похудею... Или поправлюсь... Ну или прическу сменю?.. — продолжала канючить девушка, теребя в руках микроскопическую сумочку с известной всему миру

эмблемой «Шанели». Под мышкой у девушки находилась неестественно толстая папка. На белой этикетке, наклеенной на обложку, нетвердым, почти ученическим почерком было начертано: «Кузнецова Маша».

— Послушайте! — закипая, воскликнула женщина, яростно давя в пепельнице окурок. — У нас знаете сколько таких, как вы, приходит каждый день? Сотни! Тысячи! Еще раз говорю: мы в ваших услугах не нуждаемся. Вы не прошли кастинг. Какие еще могут быть вопросы?

Девушка несколько раз всхлипнула, ее лицо стало ярко-алым, как пионерский галстук, который, впрочем, судя по возрасту, ей носить уже не довелось. Она делала титанические усилия, чтобы не заплакать. Слезы для женщины влекут за собой множество мелких неприятностей — растекшаяся тушь, покрасневшие глаза, опухшие веки... А для фотомодели, коей она собиралась стать, эти мелочи вообще приобретали катастрофическое значение.

— А может быть, следующий кастинг? Может, я его пройду? — с безумной надеждой в голосе говорила девушка.

Женщина за столом внимательно посмотрела на просительницу и, чуть смягчившись, сказала:

— Послушайте, милочка. Следующий кастинг, возможно, будет через месяц. А возможно, и через два. Точная дата еще не назначена. Поезжайте домой, в родной... — она скосила глаза, заглянув в лежащую перед ней анкету, — ...в свой родной Воронеж, живите себе спокойно. Звоните время от времени. Может быть, и появится надобность в вашем типаже. А сейчас, извините, ничего не могу сделать. Не я решаю...

— Тогда оставьте мое портфолио... — протянула девушка папку.

— Нет, — покачала головой женщина, твердо отстраняя папку ладонью, — вот когда приедете, тогда и привезете снова свое портфолио. А у нас их просто девать некуда.

Она показала на большой шкаф, который буквально ломился от папок, подобных той, что держала в руках девушка. Рядом со шкафом, прямо на полу, высились несколько грозящих обрушиться стопок, состоящих из все тех же портфолио... Из некоторых торчали углы фотографий — чьи-то руки, фрагменты ног, сегменты лиц, части причесок...

— Так что забирайте, оно вам еще понадобится, — изобразив на лице подобие улыбки, сказала женщина и снова принялась сортировать фотоотпечатки.

— А если, — не отставала девушка, — я обращусь прямо к... Борису Максимовичу...

Имя-отчество было произнесено почти шепотом, с благоговением и страхом.

Лицо женщины за столом мгновенно приобрело медальные очертания.

— А вот этого вам никто сделать не позволит! — выдохнула она. — Ишь чего захотела! Да вас тут каждый день по сто штук ходит. А Борис Максимович должен творить...

Последнее слово она произнесла и вовсе как молитву — нараспев и с осознанием собственной причастности к этому действию...

Надо сказать, на девушку этот тон произвел впечатление. Она снова опустила глаза, как-то поникла... Очевидно, на этот эффект и рассчитывала сидящая за столом непреклонная бизнес-вумен.

— Ну я пошла... — обреченно сказала девушка.

— Идите-идите... Желаю всех благ...

Девушка повернулась и мелкими шагами направилась к двери. Ей явно не хотелось уходить... Она с удовольствием бы осталась здесь, в модельном агентстве «Максима», в любом качестве. Хоть уборщицей, хоть кем-нибудь. Но... Таких, как она, действительно было полно. Стоило выйти в коридор, чтобы убедиться в этом. Девушки все как на подбор — стройные, длинноногие, красивые... Стриженные и длинноволосые, блондинки и брюнетки. Они сидели, стояли, курили у окна, обменивались редкими, ничего не значащими фразами. Каждая видела в любой из своих подруг конкурентку. Каждая из них ненавидела всех вместе

и по отдельности. И с радостью бы поставила ножку, разорвала бы платье а то и расцарапала лицо... Люди, работающие в модельном бизнесе, знают сотни таких историй...

Сквозь стеклянную дверь девушка видела всех своих конкуренток. Она взялась за ручку и чуть повернула ее. На ее лице отразилось страдание. Выйти в коридор значило принять условия, смешаться с бесчисленной толпой девушек, у которых уже все было определено — некоторые получили работу в «Максиме», а вместе с ней контракты, деньги, бесчисленных поклонников, в конце концов тот шанс, о котором каждый человек мечтает с детства. И который далеко не каждому дается.

Конечно, среди тех, кто стоял в коридоре, было немало и таких, которым, как и Маше Кузнецовой, было отказано. Вот слиться с этими девушками она и опасалась. Это означало конец — возвращение в родной Воронеж, ежедневное ожидание звонков, писем, телеграмм из агентства «Максима». А звонков запросто могло и не последовать. Никогда.

Поэтому Маша Кузнецова и медлила, взявшись за дверную ручку.

Внезапно по коридору как будто пронеслась волна. Девушки повернули головы в одну сторону и сразу же преобразились. Только что на их лицах можно было увидеть самые разные выражения. Теперь все, как одна, ослепительно и чуть смущенно улынулись. Выпрямились и инстинктивно приняли самую выигрышную позу — спина прямая, подбородок поднят, глаза независимо смотрят вперед, руки свободно струятся вдоль тела, повторяя его изгибы... По коридору пронесся шепоток, который, впрочем, в звукоизолированном помещении, в котором все еще находилась Маша, был не слышен.

Все это произошло в долю секунды. В следующий момент Маша увидела причину этого оживления в коридоре.

Высокий худощавый, довольно молодой человек двигался между девушками, не обращая ни малейшего внимания на их кивки. Огненно-рыжий венчик волос окаймлял его блестящий череп. На лице темнела борода-эспаньолка. Нос венчали модные небольшие прямоугольные очки без оправы. Человек был одет в яркую рубашку с коротким рукавом и простые джинсы, что диссонировало с пышными нарядами девушек. Только одна деталь роднила его с ними — большая пухлая папка, которую он нес под мышкой.

Все без исключения знали этого человека. Борис Максимович Размахов, создатель и владелец агентства «Максима», один из самых известных московских рекламных фотографов.

Увидев Размахова, Маша будто окаменела. Она только и успела, что шагнуть в сторону, когда человек рывком растворил дверь у нее перед носом и буквально ворвался в офисное помещение.

— Лена! — закричал Борис Размахов, обращаясь к бизнес-вумен за столом. — Только быстро! Заказ очень срочный!

Лена сразу поднялась, тоже испуганно поглядывая на вошедшего.

— Да, Борис Максимович, — произнесла она, — я слушаю.

— Руки, руки... Шеи... — пробормотал тот. — Очень срочно... Это заказ от «Росал». Сейчас доставят бриллианты... К завтрашнему дню все должно быть готово. Лена, вызывай девиц. Кто у нас там с красивыми руками и шеей?

— Я сейчас, быстро... нужно звонить... — пролепетала Лена, хватаясь одной рукой за коробку с картотекой, а другой за телефонную трубку.

— Ну нет! — раздраженно буркнул Размахов. — Говорю же тебе — времени нет, — через пять минут привезут бриллиантов на полмиллиона баксов.

Он раздраженно глянул на часы.

— Даже через три минуты! У меня всего три часа. Понимаешь? Потом их увезут. Выставка в Париже...

— Сейчас... Сейчас... — суетилась Лена, судорожно перелистывая большую телефонную книгу. — Тут есть у меня на примете...

— Пока позвонишь, пока они соберутся... — хмурился Размахов. — Знаю я этих баб, будут собираться триста лет... Краситься, блин... Им же не объяснишь, что нужны только шея и руки.

Он прошелся по комнате:

— Да, кстати, почему у тебя в коридоре столько девиц? Это кто такие?

— Они пришли узнать результаты кастинга...

— Ну и что? — грозно сдвинул брови Размахов. — Узнали?

— Я объявила еще час назад.

— Ну и пусть катятся... На хрена они тут нужны? Давай побыстрее очисти коридор. Сейчас тут омовцев будет больше, чем девиц. Быстро!

Лену будто ветром сдуло из-за стола. Она выбежала в коридор и почти без труда вытолкала девиц за дверь.

Маша Кузнецова наблюдала за происходящим из-за шкафа, куда она юркнула, когда в комнату ворвался Размахов. Присутствие короля рекламы подействовало на нее точно так, как и на всех остальных претенденток на громкое звание фотомодели, — то есть ее практически парализовало. Она не могла двинуться с места. К тому же из-за открытой двери ее почти не было видно.

Размахов положил свою папку на стол, налил в стакан минеральной воды, залпом выпил. Потом постоял в задумчивости несколько минут и громко рыгнул.

— Все. Выпроводила. — Лена вошла в комнату и села за свой стол.

— Ты мне вот что скажи, — произнес Размахов, наливая в стакан остатки воды из бутылки, — тут есть кто-нибудь из девочек?

Лена виновато покачала головой:

— Нет, Борис Максимович, все разошлись. Никаких съемок намечено не было.

— Херово... — заключил Размахов. — Кого, интересно, я снимать буду? Не тебя же! Стара уже, мать...

Он рассмеялся, указав пальцем на руки Лены. Та вежливо хихикнула, хотя ей явно не понравилась шутка шефа.

— И не себя... — продолжал шутить Размахов, поднимая и критически разглядывая собственные волосатые руки. — Хотя... Можно выдать за новое направление в рекламе ювелирных изделий... Только вот заказчик будет недоволен. Как думаешь, Ленок?

Та кивнула.

— Ну а что будем делать, Борис Максимович? Звонить девочкам?

— Так... — рассеянно помассировав виски, пробормотал Размахов. — Тут ведь должна была Марина подгрести. Я, собственно, на нее рассчитывал.

Лена покачала головой:

— Никакой информации от нее не поступало.

— Хм... Это плохо. Можно, конечно, ограничиться бархатом и разные там хреновины расставить... — задумчиво говорил Размахов. — Но не будет того эффекта. Ничто не может заменить живую женщину в качестве натур... Ну вот что, Лена, ты что хочешь делай, а модель найди. Но чтобы шея и руки — первый класс.

В коридоре раздались тяжелые шаги нескольких пар ног. Звук шагов сопровождался лязгом и звяканьем металлических предметов.

— А вот и брюлики! — улыбнулся Размахов.

Через секунду в дверном проеме появились несколько громадных фигур в камуфляжной форме. Омовцы были вооружены автоматами, лица их выражали непреклонную

решимость. Один из них нес средних размеров металлический чемоданчик, прикованный наручниками к его запястью.

— Без опозданий! — похвалил Размахов. — Вот это точность, это я понимаю. Нам бы так.

— Стараемся... — улыбнулся омоновец с чемоданом.

— Давайте бумаги, или что там у вас.

Омоновец дал Размахову подписать бумаги, после чего отстегнул браслет наручников.

— Это единственный вход? — поинтересовался он.

— Нет, есть еще выход во двор.

— Нам приказано блокировать все входы и выходы на время съемок. Для того чтобы исключить всякие случайности. Понимаете?

Размахов кивнул:

— Конечно. Так и нам будет спокойнее. Лена вам покажет все входы и выходы. Можете занимать круговую оборону.

Лена вместе с омоновцами вышла из комнаты. У дверей остались стоять двое из них.

— Сейчас посмотрим, что там в чемодане... — Размахов, сверившись с одной из бумажек, набрал код, щелкнул замками и открыл чемодан. Вынув из него красивую бархатную коробочку, он поднял ее крышку и извлек из футляра необычайной красоты бриллиантовое кольцо. Лучики, отражающиеся от бесчисленных граней больших и маленьких бриллиантов, будто бы наполнили комнату живым светом. Размахов с восхищением смотрел на кольцо. Даже омоновцы, казалось, были поражены увиденным. — Да, это вещь! — негромко произнес Размахов, рассматривая кольцо со всех сторон, перекладывая его из одной ладони в другую, заставляя его играть в свете настольной лампы.

За спиной Размахова чуть скрипнула дверь. Он тут же обернулся. Омоновцы заученными до автоматизма движениями скинули автоматы с плеч и щелкнули затворами.

В углу, за дверью, стояла Маша Кузнецова. Все это время она старалась не производить ни звука, однако какая женщина устоит, когда в нескольких шагах от нее находится блестящее бриллиантовое кольцо?! Она попыталась выглянуть из-за распахнутой двери, не удержала ее и тем самым обнаружила свое присутствие.

— Эт-то еще что за явление? — строго спросил Размахов. Омоновцы, видя, что перед ними не бандит, а всего лишь худенькая девушка с большими испуганными глазами, усмехнулись и опустили свои автоматы.

Размахов, не выпуская из рук кольцо, подошел к Маше:

— Ты кто?

— Ма-ш-ша... — пролепетала она.

— Что за Маша?

— Я тут... Я проходила кастинг...

— А! Ну и как? Прошла?

— Не-ет... — трагически прошептала Маша.

Размахов понимающе кивнул:

— Ясно... А почему спряталась за дверью?

— Я случайно... — Несмотря на то что с ней разговаривал король рекламы, одно имя которого приводило с состояние священного трепета всех без исключения претенденток на место в агентстве «Максима», Маша не сводила глаз с кольца. Очень уж оно было красивое.

— Что значит — случайно? Тебе известно, что за случайно бьют отчаянно? — насмешливо поинтересовался Размахов.

Маша засопела, не сводя глаз с кольца. Размахов, проследив ее взгляд, чуть помахал сверкающими бриллиантами у нее перед носом.

— Нравится?

— Угу... — чуть слышно прошептала Маша и кивнула.

В комнату вошла Лена.

— Ну все, Борис Максимович, охрану расставили, можно... — Тут она заметила Машу и тотчас угрожающе сложила руки на груди: — А ты тут почему?! Я же тебе сказала! А ну!..

Ее рука вытянулась в направлении выхода, указательный палец с длинным ухоженным ногтем был похож на диковинное колющее оружие.

— Пстой, пстой, Леночка... — задумчиво произнес Размахов. — Ты мне скажи, кто-нибудь из девчонок нашелся?

— Сейчас, сейчас, Борис Максимович, я мигом, — испуганно заверещала Лена, бросаясь к столу.

— Ты погоди, — разглядывая Машу, сказал Размахов, — погоди...

Он взял Машу за руку и вывел на середину комнаты.

— Ну-ка давай на тебя посмотрим...

Размахов повернул колпак настольной лампы и направил ее на Машу.

— Мне-то только шея нужна. И руки...

Он приподнял ее подбородок, провел тыльной стороной ладони по длинной шее, ключицам, чуть отогнул ворот платья, потом взял Машину руку и внимательно осмотрел кисть и особенно пальцы.

— Ты откуда?

— Из Воронежа.

— Пальчики красивые... Мать домашней работой заниматься не заставляет? Стирать, там, воду из колодца носить...

— У нас дома водопровод... — чуть обидевшись, сказала Маша.

— А-а, ну да, да... Гляди, — Размахов взял Машу за обе руки и кивнул стоящей рядом Лене, — и ногти целые, одинаковые. Свои, что самое главное. Не люблю эти потемкинские деревни...

Маша от этих слов даже чуть подняла голову. Ногти были ее гордостью. Сколько хлопот они ей доставляли! Какую осторожность нужно было соблюдать, чтобы, не дай бог, не сломать какой-нибудь из них, после чего со слезами пришлось бы стачивать и все остальные. Сколько всяких примочек, ванночек, витаминов было истрачено, сколько дорогущего лака! И вот результат! Сам Борис Размахов похвалил ее ногти. Ногти никому не известной воронежской девчонки.

Маша даже улыбнулась. Размахов, заметив это, чуть погладил ее ладони, а потом приложил к ее запястью кольцо. Бриллианты изумительно смотрелись на Машиной изящной руке.

— Смотри, — снова обращаясь к Лене, сказал король рекламы, — очень хорошо смотрится. Никак не хуже чем на профессионалках. А?

Лена неопределенно повела плечами. Ей не слишком нравилось, что проявившая своеволие и неизвестно как оказавшаяся в такой ответственный момент в офисе девчонка привлекла внимание самого шефа. Но, конечно, ничего возразить она не могла.

— Так! — Размахов отпустил Машин ладони, посерьезнел и, глянув на кольцо, положил его обратно в футляр. — Все, решено. Снимаем ее. Быстро на грим, через десять минут чтобы была в студии. Готовая!

Он подхватил чемодан, папку и, не оборачиваясь, скрылся за дверью.

Маша, ни жива ни мертва, повернулась к Лене. Та улыбалась, удивленно качая головой.

— Ну что же, повезло тебе, девочка... Ничего не скажешь, повезло. Ну ладно, пошли на грим.

Она взяла Машу за руку и повела в боковую дверь. Они оказались в светлой комнате, похожей на парикмахерскую.

— Вот, — сказала Лена, обращаясь к высокой женщине в небесно-голубом халате, — срочно подготовить к съемке. Шея, плечи, руки.

— Голову не трогать? — спросила та, придирчиво оглядывая Машу.

— Нет. Только волосы убери, чтобы не мешали. Через десять минут в студию.

— Хорошо.

Она поставила Машу перед огромным, почти в полстены, зеркалом и скомандовала:

— Снимай платье. Посмотрим, что нужно сделать... Ага, лифчика нет, это хорошо...

А то бы пришлось срочно от линий, которые от бретелек остаются, избавляться. Покажи руки... Плечи... В общем-то работы немного... Припудрим, кое-что подкрасим... Лак на ногти положим...

Ровно через десять минут Маша стояла в студии перед Борисом Размаховым, освещенная лучами софитов. На столе, рядом с невысоким подиумом, были разложены бриллиантовые украшения. Сам Размахов стоял, скрестив руки на груди, и разглядывал Машу.

— Да ты руки опусти... Здесь все свои, — хохотнул он, — так, приступим. Сядь вот сюда... Начнем с колец...

Размахов поправил драпировку на столе и кресле, в котором сидела Маша, несколько минут ходил вокруг, выбирая удачный ракурс, потом поставил свет...

Примерно через час, когда съемка была в самом разгаре, в студию вошла девушка. В руках она держала довольно объемистую сумку.

— А-а, Марина! — закричал Борис Размахов, увидев ее. — Жду не дождусь... А тут, видишь, срочная съемка... Немного осталось, подожди...

Та, которую Размахов назвал Мариной, уселась в кресло в углу и стала наблюдать за его манипуляциями. Это была длинноволосая блондинка, которую обязательно называли бы ослепительной, доведись ей участвовать в каком-нибудь шоу. Впрочем, скорее всего, ей уже доводилось, и не раз. Высокого роста, длинноногая, большеглазая, она так и просилась на какой-нибудь подиум или презентацию. Маша, едва увидев Марину, как-то сникла — от ее едва появившейся уверенности после комплиментов Размахова не осталось и следа.

Но фотограф не позволял ей расслабляться, отдавая короткие команды:

— Пальцы вытяни... Подбородок чуть вниз... Плечи распрями...

Марина курила, держа сигарету длинными красивыми пальцами.

Минут через двадцать все закончилось.

— Ну все, девочка, — улыбнулся Размахов, — можешь идти.

— А... Как же... Что же дальше? — спросила Маша.

— Дальше? — непонимающе поинтересовался Борис. — Что ты имеешь в виду? Деньги тебе выплатит Лена. Не бойся, не обидим. Получишь по высоким расценкам.

— Нет, а дальше? Что мне делать?

Размахов вопросительно и непонимающе смотрел на нее, потом обернулся к Марине:

— Может, я чего-то не понимаю? Что она от меня хочет?

Марина ослепительно улыбнулась:

— Ну какой же ты, Боря... Девочка интересуется перспективами дальнейшей работы.

Неужели непонятно?

— А-а... — протянул Размахов. — Ну вот что, Маша, ты, говоришь, откуда приехала?

— Из Воронежа, — в третий раз за сегодняшний день со вздохом ответила Маша.

— Билет мы тебе оплатим. За счет фирмы. А потом вызовем, когда надобность возникнет. Идет?

Маша грустно кивнула:

— А портфолио?

— Нет, ты его возьми с собой... Пригодится. А адрес твой и данные остались после кастинга... Не волнуйся, ты хорошо поработала, и я тебя запомню, — улыбнулся Размахов, почти отечески потрепав ее по щеке.

Маша взяла со стола свою папку и скрылась за боковой дверью.

— Ничего девочка, — прокомментировала Марина, — шарму бы немного, ухода. Получилась бы куколка...

— А то ты не знаешь, что таких у нас полным-полно... А шарм с уходом в дефиците. Вот и пропадают на просторах родной страны такие вот бриллиантики, — ответил Размахов, щелкая замками чемодана, в который он аккуратно уложил бриллиантовые украшения.

— Я сейчас. Тут камешков на полмиллиона. — Небрежно помахав чемоданом, он вышел.

Через минуту Размахов снова вернулся в студию, подошел к небольшому пульту и выключил яркие осветительные приборы.

Студия погрузилась в полутьму, он подошел к Марине, внезапно обнял и припал к ее губам. Та в ответ обвила шею короля рекламы своими длинными загорелыми руками.

— Эх, — сказал Размахов через пару минут, отрываясь от Марины, — пахнет морем от тебя. Завидую.

— А кто тебе мешает тоже съездить?

— Хм! А то ты не знаешь! Работать кто будет? — недовольно ответил Борис.

— Ну с твоими финансами вполне мог бы устроить отпуск. Хотя бы сейчас, летом, не сидеть в пыльной Москве.

— Нет... Не время. Я бы и тебя не отпустил, если бы не дело. Хорошо, что удалось совместить приятное с полезным. Загорела, отдохнула.

Размахов взял ее лицо в свои ладони и внимательно посмотрел в глаза.

— Не скучала там небось? Кого-нибудь обязательно подцепила?

Та отвела глаза:

— Ну что ты... Я же работала.

— Знаю я тебя. Но я не против. Если это не в ущерб делу.

— Не в ущерб, — ответила Марина, но как-то неуверенно.

Он взял ее под локоть и повел в угол студии, где находились небольшой холодильник, низкий журнальный столик, два кресла и диван.

— Джин?

— Да, и побольше льда. Умираю от жажды. Только с самолета.

— А что не позвонила перед вылетом?

Марина чуть нахмурилась:

— Времени не было. Все так внезапно получилось.

— Ну ладно, — сказал Борис, ставя перед ней полный стакан, с бултыхающимися кусочками льда, — рассказывай, как все прошло. Успешно?

Марина кивнула:

— В общем и целом — да. То, что задумывалось, сделала.

— Как клиент, — в глазах Размахова появилось нечто похожее на волнение, — не догадался? То есть не догадалась?

Марина поставила стакан на столик и опустила глаза:

— Знаешь, небольшая неприятность все-таки возникла...

Размахов буквально посерел, вскочил и схватился за голову:

— Я так и думал! Так и знал! Что-то серьезное?

— Да нет... Просто она меня засекла.

Размахов непечатно выругался.

— Но ты не волнуйся. Я все уладила... Почти...

— Что значит — почти? Ты знаешь, что если она хоть краем уха услышит мое имя...
Марина отрицательно покачала головой:

— Не услышит и не узнает. Я придумала легенду...

— Ну ладно, — чуть успокоился Размахов, — показывай.

Марина встала и подошла к столу, за которым ожидала окончания съемки. Взяла папку и положила перед Размаховым.

— Ничего не понимаю, — сказал он, взяв папку в руки, — почему здесь написано «Кузнецова Маша»?

— Какая Кузнецова?

— Ну вот, — показал Размахов.

Марина вырвала папку у него из рук и распахнула. На стол посыпались фотографии Маши в разных видах...

— Эта дура перепутала папки! — закричала Марина. — Унесла мою с собой!

Размахов встал и, ни слова не говоря, дал Марине увесистую оплеуху.

— Это ты дура и идиотка! Нечего раскидывать папки где попало!

Они выбежали из студии.

— Где она? — крикнул Размахов, подбегая к Лене, которая спокойно сидела за своим столом.

— Кто?

— Ну эта... Кузнецова Маша.

— Ушла. Я ей деньги заплатила, она и ушла. Очень довольная.

— Где она живет?

— В Воронеже.

— Да нет. Здесь, в Москве, где живет?

— Не знаю, — пожала плечами Лена, — я не интересовалась.

— Папка была с ней?

— Да. Она хотела ее оставить, но я запретила. У нас от этих портфолио уже не продохнуть...

Размахов произнес длинную тираду, почти сплошь состоящую из ругательств.

— Если не найдется папка, всех уволю! Под забором спать будете!

Лена и Марина испуганно переглянулись. Затем Марина взяла себя в руки, помассировала виски и произнесла одно слово:

— Билет.

Размахов глянул на нее:

— Точно! Когда она летит? Или едет?

— Я заказала билет на завтра... Она подойдет в кассу.

— Ничего не поделаешь, — заключил Размахов, — придется послать людей к кассам. Ты, — он ткнул пальцем в сторону Марины, — будешь вместе с ними дежурить. И чтобы Маша эта была доставлена сюда. Вместе с папкой.

Два часа в грохочущей металлической трубе — и вот за прямоугольными иллюминаторами «Боинга-737» уже не пожелтевшая от жары, чахлая травка аэропорта Симферополя, а вполне зеленый московский газон.

В салоне первого класса было почти пусто. Большие красные кресла, обитые натуральной кожей, более вежливые и предупредительные, чем в экономическом, стюардессы, приглушенный шум двигателей, море бесплатной выпивки — одним словом, авиакомпания «Аэротранс» всю старалась для пассажиров первого класса.

Самолет мягко коснулся резиновыми шинами ровного покрытия взлетно-посадочной полосы и, постепенно замедляя ход, покатил к белым, навевающим ностальгические воспоминания о шестидесятих годах шереметьевским терминалам. Пассажиры в широченном

салоне смотрели в иллюминаторы на рябь поднимающегося от земли раскаленного воздуха, разомлевших от жары служителей аэропорта, и не верили, что через пять минут и им предстоит покинуть прохладный салон самолета и окунуться в одуряющее московское пекло.

— Наш самолет совершил посадку в столичном аэропорту Шереметьево-1. Температура в Москве — плюс двадцать девять градусов. Авиакомпания «Аэротранс» желает вам...

Как водится, сначала к выходу пригласили пассажиров первого класса. Собственно, их было совсем немного, всего-то человек шесть-семь. Они неторопливо поднялись из больших и удобных красных кресел и, не создавая давки, вышли из самолета. Последней на шереметьевский асфальт ступила женщина в темных очках и газовой косынке. Прямо перед ней вышли двое здоровенных парней, которые внимательно оглядели летное поле и лишь затем спустились по трапу.

«Актриса, наверное», — лениво подумала стоящая у трапа стюардесса, прежде чем одарить женщину своей дежурной улыбкой. Женщина рассеянно скользнула взглядом по миловидной стюардессе и застучала каблукочками по трапу.

Выйдя из самолета, она направилась не к маленькому автобусу, который поджидал пассажиров, а к стоящему в небольшом отдалении серебристо-перламутровому «Ауди-8», стремительные очертания которого выглядели эффектно и элегантно даже рядом с самолетами. Юноша в безукоризненном костюме подхватил ее элегантный дорожный кофр и, доведя до машины, открыл дверцу. Один из охранников устроился на переднем сиденье, а второй направился к терминалу.

— Куда едем, Лариса Витальевна?

Женщина чуть помедлила, без всякого интереса глядя на гигантский белоснежный бок самолета, возвышающийся над машиной, потом кратко ответила:

— Домой.

Шофер кивнул и аккуратно вырулил на боковую дорожку, которая вела к выезду с летного поля аэропорта Шереметьево-1.

Сорок минут пути прошли в относительном молчании. Лишь раз Лариса вынула из сумочки сигарету и попросила у своего охранника огня. Тот щелкнул золотистой зажигалкой и, внимательно глядя на свою хозяйку, поднес короткий язычок пламени к ее сигарете.

В этом году Ларисе Машкиной должно было исполниться тридцать три года. Выражение «возраст Христа» трудно применить к женщине. Тут уместны другие эпитеты, самый безобидный из которых «взрослая». Да, Лариса Машкина была взрослой женщиной. Не только по возрасту, но и по жизненному опыту. И хотя тому положению, с которым она подходила к тридцатитрехлетнему рубежу, позавидовала бы большая часть женского населения России, сама Лариса придерживалась иного мнения. Абсолютно иного.

Лариса родилась в огромном восьмизэтажном доме на Пречистенке. Снаружи дом производил удивительное впечатление. Странноватые орнаменты в стиле ар-нуво, более известные под названием модерн, превращали обычный серый камень в нечто живое, движущееся, со множеством глаз, рук и даже щупалец. Высокое, прямоугольное строение, казалось, вот-вот снимется с места и побредет куда-нибудь... Небольшие панно из разноцветной плитки, там и сям разбросанные по фасаду, казались маленькой Ларисе окнами в какой-то иной мир.

Впрочем, в трех больших комнатах, где проживала семья Владимирских, тоже наблюдались остатки былого величия. Скромная советская люстра как сталактит спускалась из большой, в половину потолка розетки, украшенной причудливым орнаментом. Под многочисленными наслоениями масляной краски еще можно было различить рисунок фриза, украшавшего потолок. А в удивительных, неправильной формы окнах сохранились рамы, которые были вставлены еще девяносто лет назад, когда дом только строился. Кстати, эскизы рам утверждались непосредственно владельцем дома...

От маленькой Ларисы Владимирской (Машкиной она стала потом, значительно позднее), понятное дело, вначале скрывали тот факт, что этот замечательный дом строил ее прадед, действительный статский советник граф Владимирский. Скрывали также, что и ее дед был репрессирован, бабушка расстреляна, да и вообще, семья уцелела только потому, что отец вовремя женился на дочери известного партийного функционера. Этому борцу за социальное равенство странным образом льстило родство с потомком графской фамилии. Отличная квартира в доме на Пречистенке была подарком ко дню свадьбы...

Что, в общем-то, нельзя назвать удивительным, поскольку дом, в свое время объявленный памятником архитектуры, находился в ведении Хозяйственного управления ЦК и был населен не простыми людьми, а имеющими прямое отношение к сильным мира сего.

Лариса Владимирская росла, играла в просторном дворе с такими же, как она, чистенькими и воспитанными детишками, ходила в приличную школу с углубленным изучением английского языка. Училась она очень хорошо, можно сказать, увлеченно. Была комсомольской активисткой. Конечно, тяготину отчетно-перевыборных собраний, жуткий формализм инструкций и выступлений она не любила. Но некий лихой и безалаберный дух, присутствующий везде, где есть молодые, ее привлекал... Она занималась спортом, ходила в спорткомплекс в Лужниках плавать, бегала на короткие дистанции. Даже брала какие-то кубки на спартакиадах. Кроме спортивных секций родители, которые были сторонниками гармоничного развития личности, отдали Ларису в музыкальную школу. Фортепьянные этюды давались ей с невероятным трудом — сказывалась большая нагрузка... Но Лариса стиснув зубы еще и еще раз повторяла уроки — и в итоге закончила музшколу с отличием. Впрочем, с тех пор ненавистная череда белых и черных клавиш вызывала у нее такое отвращение, что больше Лариса никогда не села за фортепьяно...

Аристократическое происхождение, безусловно, отразилось на внешности Ларисы Владимирской. Высокая, светловолосая, с выразительными и вместе с тем нежными чертами лица, с породистым носом и волевым подбородком, она стала привлекать внимание мальчишек чуть ли не с шестого класса школы. Никогда у нее не было обычной для подростков и доставляющей массу хлопот проблемы — ни один юношеский угорь не испортил ее гладкой кожи. Занятия спортом сформировали из нее настоящую красавицу — с высокой грудью, не маленькой и не большой, тонкой талией, крепкими и длинными ногами. Ее естественная и гордая осанка могла вызвать зависть даже у манекенщиц Славы Зайцева.

Каждый из ее поклонников, круг которых отнюдь не ограничивался только одноклассниками, пытался привлечь ее внимание. Были испробованы все методы, доступные мальчишкам: и дерганье за косички, и показное бахвальство, и грубость, скрывающая застенчивость, — в общем, все, что имело некоторый успех у ее сверстниц. Но Лариса не обращала ровно никакого внимания на «героев», а если и обращала, то так находчиво и остроумно ставила их на место, что те моментально отставали и переключали свое внимание на другие объекты... Лариса больше любила интеллектуалов, тонкие натуры. Желательно при этом, чтобы те одновременно были бы спортсменами — высокими, сильными, решительными. Ясно, что таких находилось немного. Пожалуй, всего два-три мальчика из школы имели некоторый успех, однако дальше разговоров о литературе, музыке, поэзии и вообще о жизни — короче говоря, чисто дружеских, платонических отношений — дело не шло. Уже впереди маячил аттестат зрелости, уже многие подружки имели постоянных кавалеров, а Лариса вела себя так, как будто основное предназначение парней — это сопровождение во время прогулок по вечерней Москве, мелкие знаки внимания, открывание дверей в метро и так далее. Когда немногочисленные подружки Ларисы выражали свое недоумение, она только улыбалась. В этих улыбках подружки видели многозначительность и даже некоторое высокомерие. На самом деле все было не так. Пожалуй, Лариса и сама бы не смогла объяснить, что означают ее улыбки. Она чего-то ждала. Чего-то важного, что перевернет всю ее жизнь... Она

знала, чувствовала, что до поры таящаяся в ней энергия, если ее пробудить, может вырваться наружу со страшной силой. Эта сила способна привести к катастрофе, если ее не направить в нужное русло. Как это сделать, Лариса пока не знала. И посоветовать ей было некому. Родители уделяли дочке ровно столько времени, сколько позволяли обстоятельства. Подруги сами вступили в пору юношеских метаний. Оставался один учитель — собственный опыт.

Лариса все больше времени проводила с дворовыми мальчишками. Участвовала в их затеях. Даже несколько раз дралась. Конечно, во дворе дома на Пречистенке не было настоящей шпаны, но со временем отношения в юношеской среде, как это всегда бывает, стали более жесткими. Неукротимая энергия рвалась наружу, и Ларисиних дружков уже не устраивали разговоры о литературе и совместное прослушивание магнитофонных записей. Однако всякая попытка перейти грань в отношениях заканчивалась хлесткими и сильными оплеухами, лишь озадачивающими парней, которые к тому времени уже поднакопили кое-какой опыт общения с противоположным полом.

Надо сказать, эти оплеухи озадачивали саму Ларису не меньше... Она как бы наблюдала себя со стороны, изучала, исследовала. И потихоньку училась. Постепенно у нее в голове стали складываться неровные и неясные контуры так долго чего-то ожидаемого.

«Ауди» проехал по Садовому кольцу и свернул на Пречистенку. Через несколько минут автомобиль уже въезжал во двор огромного дома с причудливыми узорами в стиле модерн на фасаде.

— Витя, возьми мой кофр, — сказала Лариса, давая в пепельнице окурочек.

Телохранитель молниеносно выскочил из машины и открыл заднюю дверцу. Лариса изящно и неторопливо вышла из машины, рассеянно улыбнулась, проследив за взглядом телохранителя, который, не отрываясь, смотрел на ее точеные ноги под легкой короткой юбкой.

— Дырку протрешь, — шепнула она, сразу же глянув в сторону шофера — не услышал ли... Нет, тот смотрел в другую сторону и, кажется, не проявлял ни малейшего интереса к взаимоотношениям хозяйки и ее телохранителя.

Витя широко и немного смущенно улыбнулся в ответ на шутку Ларисы, аккуратно закрыл дверцу и, подхватив кофр, поспешил открыть перед ней дверь парадной. Они оказались в просторном холле. Рядом с дверью на стуле сидела старушка и вязала что-то из красного мохера.

— Здравствуйте, Анна Исидоровна, — улыбнулась Лариса.

— С возвращением тебя, Ларисочка! Как отдохнула? — улыбнулась привратница.

— Спасибо. Я вам гостинчик из Крыма привезла, вот багаж доставят, я вам преподнесу.

— Не стоит, не стоит, — замахала сухонькими руками старушка, хотя по ее улыбке было видно, что подарок ей будет очень приятен.

Надо же, думала Лариса, шагая к лифту, ведь я помню ее с раннего детства. И уже тогда она мне казалась старушкой. А ведь, наверное, есть люди, которым и я сейчас кажусь почти старой... Что же будет дальше?

Она глянула на пышущего здоровьем и силой Витю. Тот улыбнулся в ответ. Лариса отвела глаза.

Новый, недавно поставленный лифт неслышно поднял их на шестой этаж. Витя посторонился, пропуская хозяйку, они оказались на площадке. Тут имелась только одна дверь. Наследница графа Владимирского хоть и не вернула себе весь дом, но теперь занимала целый этаж.

Они оказались в большой прихожей. Лариса скинула босоножки и дальше пошла босиком. Телохранитель проводил ее взглядом, потом прошел по коридору и свернул в одну из комнат.

Лариса вошла в просторную гостиную и замерла на пороге. Уголки ее губ чуть приподнялись в невеселой улыбке, потом ее взгляд потух. Она вздохнула и вошла в комнату.

Здесь царил беспорядок. Низкий столик рядом с диваном нес на себе следы легкого романтического ужина — чуть увядшая алая роза в высокой вазе, пепельница, полная окурков, часть из которых в губной помаде, блюдо с остатками пирожных, недоеденные фрукты на тарелках, опрокинутый бокал — один из двух... Почти пустая бутылка «Дом Периньон».

...А ничего не будет, продолжали течь в ее голове неспешные мысли, ровным счетом ничего не будет. Я так и буду уезжать, потом приезжать, видеть все это. Хотя, пожалуй, сама виновата, дура. Звонить вовремя надо, чтобы к моему приезду убрать успел.

Лариса прошла мимо столика, на несколько секунд остановилась возле окна, потом открыла боковую дверь. За ней располагалась библиотека. Лариса прошла мимо возвышающихся до самого потолка стеллажей с книгами, открыла еще одну дверь. Здесь находилась спальня. Необъятная кровать была не застелена. Скомканное постельное белье явно свидетельствовало о недавних бурных занятиях любовью. На полу валялся маленький кружевной лифчик. Лариса подобрала его и задумчиво осмотрела. Изящный предмет женского белья был не растегнут, а разорван спереди. Лариса снова усмехнулась и бросила лифчик на пол.

— Лариса Витальевна, — послышался голос из дверного проема.

Она повернула голову. Витя успел скинуть пиджак, на белой рубашке кроме галстука чернела полоска кожи на плече и небольшая кобура под мышкой. Из кобуры выглядывала вороненая рукоятка пистолета Макарова.

Лариса невесело усмехнулась:

— Думаешь, тут установлено видеонаблюдение? Или «жучки»? Или еще что-нибудь?

Телохранитель смущенно пожал плечами:

— Кто его знает?

— Впрочем, ты прав. Ты прав, Витя, как всегда. Не стоит давать лишнего повода... Знаешь что...

Телохранитель вопросительно посмотрел на хозяйку.

— Наведи тут порядок. Не могу видеть всего этого. А я пока приму ванну.

Витя кивнул. Лариса прошла через спальню, направляясь к боковой двери. Но телохранитель, когда она оказалась рядом, преградил ей путь здоровенной, как шлагбаум, рукой. Потом обнял ее. В его объятиях Лариса смотрелась как воробей в гнезде орла. Она почти терялась. И смотрела теперь на своего телохранителя совсем по-другому, не как хозяйка...

— Не надо... Не надо, Витя... — шептала она. — Кто знает, может, и видео... И «жучки». Не надо.

Витя послушно опустил руки. Лариса скрылась за дверью в ванную.

Атмосфера в доме Владимирских была не то чтобы унылой, но какой-то невеселой. Родители с утра до вечера находились на работе, а придя домой, уединялись в своих углах. У отца имелся персональный кабинет, куда Ларисе вход был строго-настрого заказан (впрочем, она туда и не стремилась, поскольку ничего интересного в отцовском кабинете все равно не было), мать работала за небольшим секретером в гостиной. Приготовив ужин (обычно это были полуфабрикаты из столовой Моссовета), мать писала, иногда печатала на машинке. Потом они собирались за столом, смотрели по телевизору традиционную программу «Время».

Скучно...

Лариса вначале много читала, потом это ей надоело. Сентиментальность и мечтательность ей были несвойственны. Ей хотелось чего-то настоящего, реального. Скакать на мустанге, плавать на парусниках, выслеживать бандитов, а не читать об этом. Душа рвалась навстречу приключениям, которых с ее образованными и чистенькими друзьями и подругами практически не случалось. Как-то раз Лариса под Новый год, когда ей как раз испол-

нилось семнадцать, попыталась припомнить, что же знаменательного или просто запомнившегося случилось... Ну растянула ногу на катке. Собака принесла троих щенков. Летом обгорела на море, куда они ездили всей семьей. Осенью поставила фингал под глазом Олегу с седьмого этажа за то, что полез к ней целоваться во время танцев... Вот, собственно, и все. Все события. Скукота... События, которые показывали по телевизору в той же программе «Время», казались Ларисе важными, интересными и захватывающими. Ее же собственная жизнь представлялась серой, скучной и неинтересной.

Лариса хотела приключений, искала их. А кто ищет, тот, как известно, всегда найдет...

Даже в тихом московском центре иногда случались серьезные происшествия. Старушки, круглый год дежурившие на скамеечках во дворе, то и дело шушукались о каких-то дерзких и неуловимых хулиганах, которые третировали жителей окрестных домов. Кого-то раздели вечером, в пустом переулочке рядом с Пречистенкой, где-то ограбили квартиру, потом прямо в их дворе сняли с одной из машин колеса, а заодно прибрали к рукам и магнитофон... Причем так, шельмы, все ювелирно сделали, что заграничная дорогушая сигнализация даже не пискнула, не взвыла, хотя раньше от небольшого толчка будила весь дом.

Как это водится, немногочисленные факты тут же стали обрастать разными подробностями и сплетнями. Рассказывали, что орудует банда негров из числа студентов института имени Патриса Лумумбы. Вроде бы неграм в темноте проще маскироваться... Ходили слухи, что эта банда состоит из совершивших дерзкий побег из Бутырок заключенных. Что, наоборот, это шайка пацанов из рабочих районов... Как выяснилось, последнее более всего соответствовало истине.

Конечно, скоро эти разговоры дошли до ушей Ларисы Владимирской. Будоражащие душу разговоры поразили девушку. Конечно, она стала фантазировать. Мечтать, чтобы когда-нибудь встретиться с настоящим бандитом, который предстал в ее фантазиях высоким, эффектным, благородным разбойником. Что-то среднее между Робин Гудом и капитаном Бладом...

Как ни странно, случай представился довольно скоро. И, как это часто бывает, совершенно неожиданно. В один прекрасный зимний день Лариса отправилась на день рождения к своей подруге Кате. Молодежная вечеринка проходила обычно, как проходят тысячи и тысячи других вечеринок, — ели салаты и жареную курицу, потом торт, затем слушали музыку и танцевали. Вкусного, очень популярного в ту пору алжирского сухого вина имелось в достаточном количестве.

Ларису пригласил танцевать странный тип. Очень некрасивый, коренастый, неприятный. Потом выяснилось, что он был экс-чемпионом по тяжелой атлетике. Чего именно чемпионом — Москвы, России, мира, — Лариса не выяснила. Да, в общем-то, это ее особенно не интересовало. «Штангист» — так с самого начала она про себя его окрестила, начал травить байки из частной жизни известных спортсменов. Сначала безобидные, потом становящиеся все больше и больше неприличными. Лариса вначале молчала, потом постепенно втянулась и стала комментировать эти истории, да так остроумно и задорно, что вся компания покатывалась со смеху. Надо сказать, у Ларисы это получалось совершенно произвольно. Она не специально это делала, чтобы задеть парня. Скорее всего, сработал какой-то чисто женский инстинкт, который требовал испытать нового знакомого. Надо сказать, спортсмен совершенно не растерялся и вместе со всей компанией смеялся... Но это было только начало. «Штангист» благодаря общему веселью освоился (да и вообще, вечеринка перешла в фазу медленных танцев и приглушенного света) и стал откровенно клеиться к Ларисе, и так беззастенчиво, что та, пожалуй, первый раз в жизни растерялась. Однако скоро взяла себя в руки и мягко поставила его на место. «Штангист» даже извинился, а потом вызвался проводить Ларису домой. Она милостиво согласилась, тем более что идти было минут пятнадцать пешком, а часы показывали далеко за полночь.

По дороге спортсмен продолжал рассказывать истории, даже взял Ларису за руку. Та не стала прятать ладони в карманы, справедливо рассудив, что до дому совсем недалеко и, пока кавалер будет раздумывать о своих дальнейших шагах, они уже будут около подъезда дома на Пречистенке.

Морозный воздух был прозрачным, под ногами похрустывал снег. И вдруг из переулка появились три темные фигуры в неприметных пальто и больших, по тогдашней моде, меховых шапках.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался один из них. В этом «здравствуйте» было столько угрожающей энергии, что Лариса, несмотря на темноту, физически это ощутила. Лица его было не разобрать, но тембр голоса заставил ее, неожиданно для себя самой, внутренне задрожать...

— Так, вытряхиваем карманы. Деньги, ценности...

— Что? — спросил несколько дрогнувшим голосом ничего еще не понимающий «штангист».

— Попрошу без споров. Вы не на комсомольском собрании.

В руке у хулиганов блеснули тонкие лезвия ножей.

— Согласитесь, — продолжал главный, — лучше без кровопролития, особенно для дамы.

Темные глубокие глаза сверкнули в свете уличного фонаря. Лариса смотрела в них спокойно, даже твердо, но внутри у нее все трепетало. Она наконец-то поняла, почему Татьяна Ларина, лишь завидев Онегина, сразу же заявила, что «это он», и никто другой. Почему? Зачем? Все эти вопросы (как и ответы на них) отодвинулись на третий-четвертый план. Осталось лишь странное, до сих пор, пожалуй, неизведанное чувство.

Она сняла золотые сережки, которые родители подарили ей на шестнадцатилетие, и протянула хулигану. Тот открыл свою ладонь, она вложила сережки в его руку, при этом обхватив ее ладонями. В этот момент все вокруг как будто перестало существовать для Ларисы. Она смело смотрела прямо в глаза хулигану, а тот делал то же самое... Рядом раздавались звуки какой-то возни («штангист», понятное дело, решил побороться за свое имущество), а Лариса и бандит все так же смотрели друг на друга. «Барышня и хулиган», — вспомнила она.

— Вы не возьмете их, — вдруг совершенно неожиданно для самой себя произнесла Лариса. Произнесла твердо, но при этом как-то странно, с незнакомыми интонациями. Она сжала ладони.

Хулиган чуть улыбнулся, дотронулся свободной рукой до ее подбородка и повернул к снопу света, исходящему от фонаря.

— Вы в этом уверены? — спросил он.

Она кивнула.

— Серый, пора, — донесся откуда-то из другой галактики голос одного из его подельщиков, — мы тут его немного того...

— Чего — того? — недовольно повернулся Серый.

— Если и встанет, то лечиться долго будет, — ответил бандит, указывая на не подающее признаки жизни огромное тело «штангиста» на снегу.

— Ладно, уходим, — сказал он, снова поворачивая голову к Ларисе.

— А эта? — с сомнением сказал хулиган. — Заложит ведь...

— Заложить? — спросил Серый, все так же придерживая ее подбородок.

— Нет, — покачала головой она.

— Тогда прогуляемся... — постановил Серый, и они быстро направились в боковой темный переулок. Лариса последовала за ними, как будто именно этого она и ждала всю жизнь — убежать с места преступления вместе с бандой уличных грабителей.

Остановились они только минут через десять, когда, пройдя кривыми темными переулками, дошли до Москвы-реки. Там, под тусклым светом грязной лампочки, качающейся на ветру, хулиганы, поглядывая в ее сторону, поделили добычу, причем Серому досталась львиная доля.

— Разбегаемся, — сказал он, засовывая в карман импортные часы «штангиста», его кошелек и Ларисины сережки.

— Добавить бы надо... — осторожно, будто прощупывая почву, сказал один из хулиганов.

— Мертвого осла уши, — очевидно сам не понимая этого, процитировал Серый, — давайте-давайте, а то метро закроется. Счастливо.

Двое тут же скрылись в переулке. Серый же повернулся к Ларисе. Она внимательно разглядела его лицо. Узкое, бугристое, с выраженными скулами и подбородком. Крупный нос, романтическая небритость на щеках. Длинная цыплячья шея, частично замотанная шарфом.

— Значит, говоришь, не возьму сережки?

Лариса утвердительно кивнула.

— Почему?

— Потому что... — Она протянула руку и погладила его по жесткой щетине на щеке. А потом, опять же совершенно неожиданно для себя, быстро поцеловала прямо в губы. И сразу отстранилась с таким видом, будто ничего ровным счетом не произошло.

— Так, — голос его чуть дрогнул, она это очень хорошо почувствовала, — ну что же, это стоит того.

И Серый, хохотнув, достал из кармана золотые сережки, протянул их Ларисе.

Но та покачала головой:

— Думаешь, я из-за сережек с вами пошла?

Он опять очень внимательно посмотрел ей в глаза. И снова кривовато усмехнулся:

— Пошли, провожу тебя до дому.

И сунул сережки ей в руку.

Они шли молча. Лариса все ждала, когда он заговорит. И дождалась.

— А ты молодец, — наконец произнес бандит, — не испугалась.

— А я вообще непугливая.

— Да-а, — насмешливо протянул тот. — Ну а если я тебя приглашу... в кино, например?

Судя по всему, Серый был ненамного старше Ларисы. Ну от силы года на два-три.

— Приду.

— Правда?

— Правда.

— Ну смотри... Давай завтра в шесть у «Ударника».

— Завтра не могу. Никак. Занятия.

— Тогда послезавтра?

— Да, послезавтра смогу, пожалуй... А какой фильм?

— Не знаю... — совершенно искренне пожал плечами Серый. — А какая разница?

Лариса перехватила его озорной взгляд и улыбнулась в ответ:

— А и вправду никакой... Хорошо, послезавтра в шесть у «Ударника».

Тот кивнул:

— Договорились.

— А как тебя зовут?

— Сергеем... Но вообще-то меня все называют Серым.

— А я буду — Сергеем, — заявила Лариса.

— Ладно, — кивнул он. — А тебя как зовут?

— Лариса.

— Ну вот и познакомились...

Они дошли до дома на Пречистенке и расстались. Сквозь мутное стекло подъездной двери Лариса видела, что он стоит и смотрит ей вслед...

Целый день Лариса провела как на иголках. Она укладывала волосы так и сяк, боролась с некстати выскочившим на лбу прыщом, подбирала платье. Мать несколько раз обращала внимание на необычно оживленную дочку, даже поинтересовалась, в чем дело.

— Ничего особенного, — с показным равнодушием ответила Лариса, — скоро Лидка устраивает вечеринку...

«Интересно, как бы она отреагировала, если бы я ей сказала, что иду на свидание с бандитом, который едва не ограбил меня на улице, а его приятели всадили нож в парня, который меня провожал...»

Но мать не стала продолжать расспросы (она вообще этим не отличалась) и опять уткнулась в свои рукописи.

Иногда Ларисе хотелось, чтобы родители уделяли ей больше внимания. Чтобы отец, как все нормальные отцы, учил бы ее, допустим, мастерить воздушных змеев и скворечники, а мать живо интересовалась бы ее личной жизнью... Чтобы спрашивала про знакомых, про мальчиков, про переживания. Чтобы можно было уткнуться ей в плечо и поплакать — просто так, без причины. Всего этого Лариса была лишена. Однако, достигнув более зрелого возраста, она поняла, что нет худа без добра. Взрослея почти без родительского внимания, она научилась сама принимать решения, сама отвечать за свои поступки. Затем, во взрослой жизни, это ей очень пригодилось...

Лариса подошла к кинотеатру «Ударник» ровно к шести. Она всегда считала, что опаздывать неприлично, даже женщине. Высокую фигуру Сергея она увидела издали. Тот стоял в дорогой дубленке (Лариса догадывалась, что ее он купил не на заработанные деньги), несмотря на мороз, без головного убора, курил и посматривал в сторону Ленинки, со стороны которой и должна была появиться Лариса.

— А вот и я, — подошла Лариса к нему со спины.

Сергей обернулся и невольно залюбовался ею. Вчерашние хлопоты не прошли даром — Лариса выглядела отменно.

— Красивая... — одобрительно кивнул он.

— Называется, оценил, — рассмеялась Лариса, а вслед за ней и Сергей. Они смеялись так, будто были знакомы сто лет. Это ощущение не прошло и тогда, когда в зале потушили свет и стали показывать какой-то вялый отечественный боевик... Лариса сразу уткнулась в плечо Сергею и так просидела весь фильм. То есть не весь — в какой-то момент Сергей повернулся к ней и жадно припал к губам. Целовался он умело — решительно, дерзко и вместе с тем нежно. У Ларисы все поплыло перед глазами, и, даже когда Сергей снова повернулся к экрану, она долго не могла открыть глаз...

Они все не могли расстаться, стояли, смотрели друг на друга и молча держались за руки.

— Когда мы встретимся?

— Послезавтра, — подумав, ответила Лариса.

— А завтра как?

— Нет, завтра не получится...

— Ясно. Я у тебя удовольствие через день, — усмехнулся Сергей.

— Пока что... Пока... — прошептала она так, что он сразу не понял, обещает она или же прощается...

Через день все, чего она так ждала с нетерпением и страхом, произошло быстро и стремительно. Встретились у метро «Парк культуры».

— Привет!

— Привет. Куда пойдём?

— К тебе, — выпалила Лариса.

К счастью, Сергей и бровью не повел. Конечно, вряд ли он ожидал такое, но выдержки у него хватило... И за это Лариса была ему благодарна.

— Тогда стоит взять тачку.

Они перешли по подземному переходу на другую сторону Садового кольца, он быстро остановил желтый таксомотор.

— В Черкизово, — сказал Сергей, и они поехали.

Ехали молча. Машина плутала по странным улочкам среди глухих заводских заборов и одно-двухэтажных обшарпанных домиков. Наконец Сергей коротко бросил водителю:

— Здесь.

Они вышли у какого-то страшно запущенного строения. Вошли в темный подъезд, почти на ощупь поднялись на третий этаж. Оказались в длинном коридоре, где пахло вчерашним борщом, мокрым бельем и паленой резиной. Лариса и раньше бывала в коммуналках, но в центре они были как-то почище... Тут же из комнат выглядывали пропитые рожи в синяках, испуганные женские лица, по коридору прошел древний старичок в нечистой голубой майке...

В конце концов они дошли до обитой рваным дерматином двери. Сергей отпер ее:

— Заходи!

В комнате, неожиданно для Ларисы, было довольно уютно. Удобная широкая тахта, шикарная стереосистема, пушистый ковер на полу. Большой телевизор, два удобных кресла в углу... Ларисе не хотелось думать о том, что многие вещи здесь были краденными. Она и не думала.

— Чай, кофе? Виски, коньяк, шампанское? — перечислял Сергей.

Вместо ответа она подошла к нему, поднялась на цыпочки и прошептала на ухо:

— Ты...

Дальше она не помнила. В голове остался круговорот из объятий, поцелуев, обрывков нежных слов...

А потом в дверь постучали. Сергей сразу напрягся, сел. Лариса машинально укрылась простыней...

— Серый, открывай. Милиция.

И снова застучали, теперь кулаком... Сергей повернул голову к Ларисе, негромко сказал:

— Одевайся.

Потом подумал, взял со стола сигарету, краем глаза наблюдая за одевающейся девушкой, добавил:

— Вот и все. Отгулял.

Затем был обыск, расспросы, допросы... Конечно, следователь быстро отпустил Ларису — ее непричастность к художествам Сергея не вызывала сомнений. Но нервы помотал изрядно. И хуже всего было, что история вышла наружу. Узнали не только родители, но и в школе. О золотой медали, которую прочили круглой отличнице Ларисе Владимирской, можно было забыть... Масла в огонь подлил еще и раненый «штангист», который вышел из больницы и конечно же рассказал всем историю об уличном ограблении...

Но Лариса не горевала. Она добилась своего. Хоть краешком, хоть чуть-чуть, но все же прикоснулась к настоящей жизни. За короткое время, которое прошло с той памятной встречи на темной улице, она повзрослела.

К тому же Сергей вышел из тюрьмы уже через год, по амнистии.

В ванной ее ждал еще один сюрприз. Обширная, кажется, из настоящего мрамора ванна была наполнена остывшей и грязной водой странного розоватого цвета. На поверхности воды плавала ярко-красная крышечка от губной помады, какая-то промокшая кружевная тряпочка и обрывки каких-то бумажек. На большом зеркале губной помадой было выведено: «М+М». Лицо Ларисы выразило отвращение, однако делать было нечего, и она принялась наводить порядок. Спустила воду в ванне (на дне обнаружилось еще несколько различных предметов), собрала мусор, стерла надпись на зеркале. Ополоснула ванну, потом наполнила ее водой с густой пеной, наконец разделась и погрузилась в ароматные белоснежные хлопья.

Лезвием по вене, думала она, — чик, и готово... Хотя нет, обязательно найдет Витя. Спасет. Он же у меня супермен, на все способен. Может на руках отнести в Склифосовского. Хм, усмехнулась про себя Лариса, почему это «у меня». Он молодой, совсем молодой. Влюбился в хозяйку, ну и что? Сегодня влюбился, завтра разлюбил. А я... Я так и буду возвращаться в пустую квартиру со следами вчерашнего разгула. Волшебной сказки, как в кино с Кевином Костнером, не получится... Сказки вообще в жизни не случаются...

Она расслабилась и лежала в теплой ванне. Даже, кажется, немного задремала.

Прошло примерно полчаса. Лариса приняла душ, накинула мохнатый халат и вышла из ванной. В спальне уже не наблюдалось следов разгула. Постель была аккуратно застелена, а ковер вычищен.

Молодец Виктор, думала Лариса, вытирая полотенцем волосы, все у него так споро получается, быстро, хорошо. И в работе, и в чем угодно. В постели он нежный, хоть и немного торопливый. Но что поделаешь — возраст. Двадцать два года. Только из армии. Совсем еще зеленый. А ведь, если задуматься, я всего на одиннадцать лет старше. Всего лишь на одиннадцать. А такая пропасть. И в возрасте, и в социальном положении. Хотя, наверное, положение тут главное. Недаром он все время норовит назвать меня по имени-отчеству. Вначале это меня как-то обижало, теперь привыкла... В конце концов, это ведь я плачу ему зарплату. И делать мне даже самые незначительные подарки смешно... Хотя почему плачу я? Зарплату ему платит Миша. Миша Машкин... Даже смешно иногда становится, что я его называю так запросто — Миша...

Она встряхнула чуть влажными волосами, переделась в легкое домашнее платье и вышла из спальни. В гостиной теперь тоже царил порядок. Только розу Витя не стал выбрасывать, просто поставил вазочку в центре столика. Кстати, где он?

Лариса прошла по комнатам, заглянула в кухню. Телохранителя не было нигде.

Может, вышел куда-нибудь, за сигаретами например? Хотя какие сигареты, он же не курит. Он же спортсмен. Лариса вспомнила загорелое и мускулистое тело своего телохранителя, и у нее по коже уже почти привычно пробежали мурашки. Красивый, черт. Сильный, красивый и надежный. Уж я-то знаю. Я научилась разбираться в людях.

Она снова зашла на кухню, сделала себе пару бутербродов, достала из холодильника ананасовый сок. Внезапно ей показалось, что тут, на кухне, что-то не так. Что-то было иначе, чем всегда. Каким-то седьмым или восьмым чувством она уловила некоторое беспокойство. Это несколько озадачило Ларису. Она снова внимательно оглядела кухню. Потом еще раз. И только с третьего раза она поняла, в чем дело.

Дверца кладовки была чуть приоткрыта. Совсем немного. Но этого было достаточно, чтобы разглядеть нечто, что находилось за этой дверцей. Черный уголок ткани. Не надо обладать дедуктивными способностями, чтобы догадаться — это край брюк.

Интересно, подумала Лариса, откуда брюки в кладовке. Там обычно хранятся разные хозяйственные принадлежности — швабра, тряпки, стиральные порошки, всякие чистящие средства.

Она додумывала уже по пути к кладовке. Протянув руку, Лариса широко раскрыла дверь. И тут в глазах ее помутилось.

За дверью, в неестественной позе с вывернутыми назад руками, лежал Михаил Машкин. Тот самый, которого в газетах любили называть «серым кардиналом российского бизнеса». Тот самый, благодаря браку с которым Лариса получила новую фамилию...

Из конференц-зала, где делал доклад, я сразу спустился в свой номер. Здесь меня ждал сюрприз...

Дверь в мой номер была не заперта. Это меня поначалу не удивило — открыть дверь могли горничные, уборщицы и так далее. Но я ошибся. Никаких гостиничных служителей здесь не обнаружилось.

Зато в одном из кресел у окна сидела женщина. Весьма эффектная блондинка с большими глазами и выразительными чертами лица. На вид ей было лет тридцать.

Везет мне здесь на блондинок, однако! Появляются неизвестно откуда... Хотя у меня было такое ощущение, что эту я уже где-то видел.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался я. Хоть незваный гость и хуже татарина, но это не отменяет правил приличий.

— Добрый день, — кивнула она, продолжая курить. Я машинально обратил внимание, что в пепельнице уже имелось четыре раздавленных окурка. Женщина докуривала пятую сигарету. Значит... Я отсутствовал примерно полтора часа. Сигарету выкуривают в среднем за десять минут. Значит, как минимум час назад она появилась здесь, в моем номере.

Я сел на диван и вопросительно уставился на нее. Однако женщина молчала.

— Простите, — решил я нарушить тишину, — чем обязан?

Она повернула голову:

— Где она?

— Кто? — поинтересовался я.

— Ваша подружка.

— Вы имеете в виду...

— Да-да! — нетерпеливо сказала она. — Я имею в виду именно ее. Как мне удалось выяснить, ее зовут Марина.

Нет, это пляжное знакомство мне дорого обойдется, вот увидите.

— Не знаю... — пожал я плечами. Как вы понимаете, это было чистой правдой — я действительно не знал, где в данный момент находится Марина.

Незнакомка внимательно посмотрела мне в глаза.

— Мне известно, что ночь она провела именно здесь! — Она взмахнула рукой с сигаретой, обводя мой номер.

— Позвольте, но почему я должен отчитываться перед вами в своей личной жизни? — возмутился я.

Она не ответила, только сделала несколько неторопливых затяжек, глядя в сторону. Потом снова подняла глаза на меня:

— Вы помните вчерашний инцидент?

— Вчерашний?

— Да, в парке.

— Помню.

Конечно же я помнил — ребра ныли до сих пор. А еще я вспомнил вот что — когда мы гуляли с Мариной по парку, перед нами маячили три фигуры — две мужские и одна женская. Конечно, я заметил их боковым зрением: все мое внимание было поглощено Мариной. Но теперь я вспомнил... Двое мужчин — это, конечно, те самые, что потом подошли ко мне. А женщина — вот эта самая блондинка, что сейчас сидит в моем кресле и задает странные и даже нескромные вопросы...

— Так вот, — продолжала она, — я бы не хотела, чтобы с вами повторилось нечто подобное.

— Вы мне угрожаете?

Она кивнула:

— Именно так.

— Но могу я в конце концов узнать, в чем дело? Почему вас и ваших головорезов интересует Марина? И при чем здесь я?

Она рассмеялась:

— При чем здесь вы? А кто еще должен знать, по-вашему, где находится эта... —

Она словно бы хотела выругаться, но сдержалась, проглотила слово, которое вот-вот должно было сорваться с ее языка.

— Так, — рассердился я, — вы врываетесь ко мне в номер в мое отсутствие, курите тут и еще задаете странные вопросы, на которые я почему-то, по вашему мнению, должен отвечать. Могу я узнать, с кем имею честь разговаривать?

Она замялась, будто бы решая про себя какой-то вопрос. Понятно какой — сообщать мне свое имя или нет. В конце концов она пришла к решению:

— Это неважно. Достаточно того, что я знаю вас. Кроме того, я знаю, что вы познакомились с Мариной совсем недавно. Здесь, в Ялте. Это так?

— Ну допустим.

— А следовательно, не знаете, зачем она сюда прибыла, с какой целью.

— Почему это? Прекрасно знаю. Она мой коллега — адвокат. Приехала на симпозиум.

Женщина рассмеялась:

— Это неправда.

— И кто же она, по-вашему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.